

Юля, расскажи мне о звонке подробно, — Заурский не злился, а был, наоборот, слишком спокоен.

Это не предвещало ничего хорошего.

Юля выдохнула и рассказала, собственно, рассказ был короткий, звонок длился какие-то секунды. Сегодняшние действия времени заняли много, но сообщение об этом уложилось в несколько минут.

— Ты помнишь тон, которым говорила женщина?

— Да, настойчивый, но тепловатый.

— И ты сразу поняла, что это не розыгрыш, и ничем мне не сказала! Вместе с этим носишься по городу Тымчишиным, разыскивая Архипова. Очень интересное решение вопроса.

— А может, это ерунда какая, а я вас озадачиваю! — возразила Юля.

— Ну конечно! Ты «горючую линию» не пропустила? Там был человек с важной информацией, а я об этом ничего не знала! Плохой я главный редактор, никому из меня не доверяли.

— Ой, Петрович, что вы такое говорите! Просто не подумала.

— Это называется «дымовая завеса», Сороса, такой вид маскировки дезориентации, когда дразнишь на поле с целью скрыть маневр и передвижение войск. Вы с Милей сказали Миле, что пришли к бабушке Колокольцевой. Сознательно соврали. Хорошо, что я тебя воспитываю! Ты уже переросток, воспитанию не поддаешься.

Юля виновато молчала, она знала, что Егору Петровичу надо выговориться, тогда он успокоится. Да, нехорошо получилось.

— **Архипова, значит, пока не нашли?**

ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Смерть в белом халате

Людмила
ФЕРРИС

— Не нашли, — сказала Юля.

— Ты слышь, Милей, сегодня утром в отделении травматологии был обнаружен труп заведующего отделением Николая Петровича Суневского. Он был застрелен. Пока это предварительная версия, следствие только началось. Теперь ты понимаешь, почему так важна была твоя телефонная информация?

— Как отравлен? Доктор? —

Юля растерялась. — С каких это пор врачей начали травить как тараканов?

— А ты думаешь, врачи живут вечно?

— Ну не убивать же! А вдруг тогда и Архипов пропал не случайно?

— Вот давай и разбирайся в этих мутных историях. Во-первых, говорить об исчезновении Архипова еще рано. Времени мало прошло. Будем считать, что он пока удалился в неизвестном направлении с твоей знакомой. Во-вторых, без паники.

— Хорошо, можно считать так, только вот «просто, без повода» Архипов никогда и никуда не удалялся, он не такой человек.

— А вот это «никогда и никуда» давай отложим в записки. Иногда у людей бывают обстоятельства, когда они ведут себя так, как не вели никогда. Если завтра к утру Архипов и его спутница не появятся, то тогда мы будем точно знать, что с ним произошло.

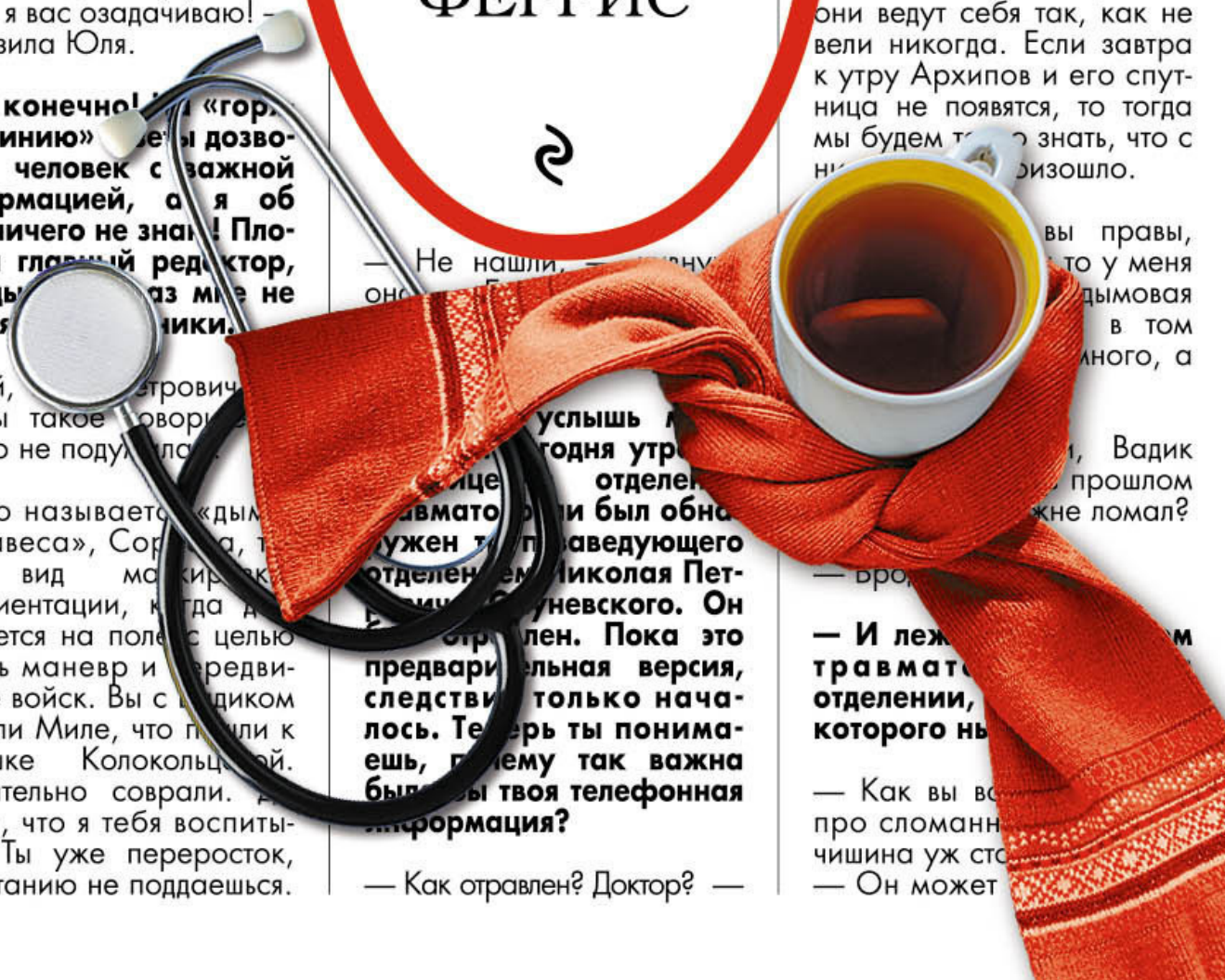
— Вы правы, но у меня есть дымовая завеса в том смысле, что много, а

— Вадик, прошлым летом же ломал?

— Вроде да.

— И лежал в отделении, которого нынче нет?

— Как вы все это про сломанную крышину уже слышали? — Он может

Журналистское расследование (Эксмо)

Людмила Феррис

Смерть в белом халате

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Феррис Л.

Смерть в белом халате / Л. Феррис — «Эксмо»,
2018 — (Журналистское расследование (Эксмо))

ISBN 978-5-04-093963-3

Новое журналистское расследование Юлии Сорневой приводит ее в городскую больницу. В мире медицины свои законы и правила. И свои тайны. Но когда из-за этих тайн начинают погибать люди, Юля не может остаться в стороне... Благодаря идее главного редактора газеты устроить «горячую линию» для читателей журналистка Юля оказывается единственным человеком в городе, который знает, что скоро произойдет преступление. Она должна во что бы то ни стало найти похищенного главного врача городской больницы Германа Архипова и предотвратить его убийство! А тем временем прямо на рабочем месте убит заведующий отделением травматологии, и, скорее всего, его убийца тоже носит белый халат...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093963-3

© Феррис Л., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Людмила Феррис

Смерть в белом халате

© Феррис Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Горячая линия

Кто придумал устроить горячую линию с читателями? Конечно, Егор Петрович Заурский, бессменный главный редактор газеты «Наш город». Казалось бы, материалов хватает, новостей тоже. Зачем изобретать велосипед, тем более летом?

Летом журналисты становятся ленивыми, поди побегай по такой жаре, собирая информацию. Зачем надрываться, если можно в интернете «порыскать», ан нет – подавай начальству общение с читателями. Ноу-хау Заурского удивило журналиста Юлю Сорневу, да не ее одну.

– У каждого будет свой номер редакционного телефона, – объявил главред. – Мы анонсируем его в газете, чтобы читатель мог напрямую связаться с конкретным автором, поделиться с ним своими проблемами. Звонок будет поступать лично журналисту, к которому захочет обратиться читатель.

– Ну, Егор Петрович, вы даете! – заныл корреспондент Вадик Тымчишин. – Вы же знаете, что половина людей, которые звонят в редакцию, находятся в неадекватном состоянии. И так на работе мозги от жары плавятся, а еще будут «сумасшедшие» со звонками прорываться.

– У тебя плавиться нечему, – усмехнулась ответсек газеты Мила Сергеевна. – Ты материал в прошлый номер вовремя не сдал, из-за тебя «дырка» была. Пришлось срочно переверстывать полосу.

– Ну вот опять я виноват! – продолжал гудеть Тымчишин. – Не мог я материал сдать, не знал счет матча.

– Во-во, виртуальный вы наш! – Мила Сергеевна встрепелась. – Пишешь материал о событиях, на которых не присутствуешь. Журналист должен быть всегда в гуще событий, внутри.

– У вас устаревшие понятия о журналистике. Зачем куда-то лезть, если все можно найти в интернете? – не сдавался Вадик.

Перепалка между «творческими единицами» могла длиться бесконечно.

– Надо поработать с народом, а то и правда перестали окунаться в гущу событий, – подвел итог Заурский.

Он переносил жару плохо, его рубашка намокла от пота, и смотреть на главреда без сочувствия было невозможно. Кондиционер в помещении отсутствовал, и Егор Петрович объяснял свое нежелание его приобрести тем, что резкая смена температур – из помещения на улицу – может вызвать спазм сосудов сердца или головного мозга. А еще он утверждал, что с кондиционерами приходят сквозняки и можно простудиться. На самом же деле и журналист Юля Сорнева, и все остальные члены редакционного коллектива знали, что Заурский экономит и сквозняки тут совсем ни при чем. Давно требовалось поменять в редакции компьютеры, и это проблема посерьезней модных и востребованных аппаратов.

– Егор Петрович, может, вам платок намочить в холодной воде и намотать на голову? – не выдержала Юля.

– А лучше идите домой, примите душ и сидите возле холодильника с прохладительными напитками. Мы без вас справимся, помаемся здесь немного и тоже по домам пойдем, – едва слышно прошептала Мила Сергеевна. Она, несомненно, уважала шефа, но в жару плавиться на работе никто не хотел.

– Ладно, прорвемся, ребята, – выдохнул Заурский. – Вентилятор надо бы купить. Каждый раз думаю, что лето в Сибири нежаркое будет, а как июнь начинается, так работать невозможно, пекло. – Он вытер пот со лба. – Договорились по формату работы? В этом номере делаем анонс,

проводим горячую линию и полностью ее даем в следующем номере. Людям надо помогать быть в курсе всего, что их волнует.

Юля знала, что для Заурского газета – самое важное в жизни, даже важнее дома и семьи. Жена Егора Петровича Виктория относилась к этому с пониманием, детей у супругов не было, и поэтому неудивительно, что единственным «ребенком» для Заурского оставалась газета «Наш город». Он вкладывал в работу всю душу. Слова Егора Петровича про помощь людям не были пустым звуком. Он считал, что главное общественное предназначение журналистов – помогать людям. Конечно, есть полиция, депутаты, администрация и другие структуры, но журналисты ближе к народу и они должны восстанавливать справедливость, часто повторял Заурский.

«Господи, какой же он наивный, как мальчишка, – думала Юля. – На самом деле все обстоит гораздо сложнее, иногда помощь оборачивается непредсказуемыми последствиями».

Она знала десяток историй, когда, протянув руку помощи, журналист «вляпывался» в ситуацию. Вот тот же Вадик Тымчишин в прошлом году написал очерк о спортсмене-ветеране, квартира которого нуждалась в ремонте. Материал получился симпатичный, и Заурский на планерке ставил Тымчишина в пример. Две городские коммерческие структуры тогда сделали ремонт в квартире бывшего спортсмена, оказали материальную помощь. Жить бы да радоваться под таким «золотым дождем», но ветеран, окрыленный первым успехом, встал на путь борьбы за справедливость. Он начал писать жалобы на молодежь, которая собирается и горланит во дворе песни, на магазин, который торгует просроченным пивом. Вадик Тымчишин вскоре начал прятаться, скрываться от своего героя, обещавшего натравить на обидчиков журналистов. Кроме того, выяснилось, что у ветерана есть два вполне благополучных сына, которые могли бы помочь отцу отремонтировать квартиру.

Юля помнила, как Вадик нервно курил в коридоре, поглядывая по сторонам, чтобы вовремя улизнуть от жалобщика, и все время повторял:

– Сорнева, подруга, учись на моих ошибках! Держись русской мудрости: «не делай хорошего – не будешь плохим».

Они тогда сошлись во мнении, что работа журналиста вредна для здоровья, слишком нервная, а мера ответственности за каждое написанное слово непомерно высока.

«Может, не надо так активно помогать гражданам? Может, достаточно того, что в газете есть разные точки зрения и люди могут сделать выбор?» – размышляла Юля.

Но как возражать главреду, когда он в восторге от собственной идеи и, несмотря на адскую жару, не уйдет, пока не услышит одобрения своего предложения. Выручила, как всегда, Мила Сергеевна.

– Не переживайте, Егор Петрович, проведем мы этот горячий провод. Раз надо, значит, прилипнем к телефонам, и пусть народ звонит, общается. Здорово вы это придумали, не даете нам отсидеться.

Юля энергично закивала и подумала, что ее любимый герой барон Мюнхгаузен из известного фильма, возможно, был прав, когда утверждал, что каждый здравомыслящий человек просто обязан время от времени поднимать себя за волосы. Может, и правда надо вздернуть себя за волосы, и тогда настроение из летне-ленивого превратится в рабочее?

И вот настал день проведения горячей линии. Солнце палило так, что от жары не спасали и вентиляторы, закупленные накануне по заданию главреда. Даже сиденья редакционных стульев накалились. Тымчишин извивался на своем стуле и горестно вздыхал:

– Вот, Сорнева, никто ведь не оценит, в каких античеловеческих условиях мы работаем. Жаримся, как папуасы.

– Папуасы не жарятся, они привыкшие, – отмахнулась Юля.

– А я не привык, я человек сибирский, мне жарко. Все для народа, значит? А народ холодное пиво пьет и над нами посмеивается!

На горячую линию был отведен час. Первые десять минут звонки раздавались редко, но потом начали усиливаться в геометрической прогрессии. Журналисты непрерывно говорили по телефону и фиксировали для себя информацию кто в блокноте, кто сразу на компьютере.

– Юля, это ты?

Юля сразу узнала голос постоянной читательницы Анны Павловны Колокольцевой, Юля уже помогала этой пожилой женщине.

Анне Павловне не повезло, ее дом попал в список региональной программы капремонта, да не просто попал, в доме уже начали перекрывать крышу. Бригады менялись одна за другой, а ремонт не двигался. Квартира Колокольцевой находилась на последнем этаже, и два месяца бабушка жила при разобранной крыше, когда шел дождь, ей приходилось выносить воду ведрами. Юля широко осветила эту проблему в прессе, и социальная служба предложила Анне Павловне переехать на время ремонта в другую квартиру.

– Я решила никуда не ехать, Юлечка, – бодро сообщила Колокольцева. – У меня вчера мэр был, сказал, что берет работы по ремонту в нашем доме под личный контроль.

– Анна Павловна! Мы же с вами договаривались, что вы на время ремонта переедете. Там жить опасно!

– Я войну пережила, что мне капремонт! – гордо заявила бабушка. – Только вот не могла бы ты с ребятами ко мне приехать сегодня? У меня с потолка люстра упала.

– Анна Павловна! Как люстра упала? Вы не пострадали? Конечно, мы приедем. Только это будет не раньше чем через час, мы должны закончить горячую линию.

– Я подожду, Юлечка. Подожду. Главное, ты про меня не забудь.

– Конечно, не забуду, Анна Павловна.

Потом Юля принимала еще звонки, записывала контакты читателей. Егор Петрович оказался прав, теперь материала на три газетных выпуска наберется: историй хоть отбавляй, и все с новизной. А пока Юля размышляла, как уговорить Колокольцеву переехать из опасной квартиры.

– Я могу поговорить с Юлией Сорневой? – раздался в трубке новый голос, приятный женский, но очень требовательный.

– Я вас слушаю, – вздохнула Юля. Она знавала таких инициативных дамочек. Сейчас женщина будет назидательно говорить о том, что нет в городе культуры, что реклама заполонила собой все уголки. Темы хорошие, но бесперспективные. Широко шагаешь, как известно, штаны порвешь.

Но звонившая вдруг как-то жалобно вздохнула и произнесла:

– Вы извините, конечно, что я к вам... Но я должна кому-то сказать. Скоро может произойти убийство.

Юля поняла, что женщина не шутит. Может, у нее такая реакция на жару, перегрелась на солнце?

– А вы в полицию обращались? – поинтересовалась Юля.

– Нет, там меня за сумасшедшую сочтут. Я читаю ваши статьи, Юля, мне кажется, что вы честный человек.

– Спасибо, конечно, за доверие, но я журналист, и моя работа – писать. Я не занимаюсь преступлениями, тем более теми, которые произойдут. Может, вам все-таки позвонить в полицию?

– Его завтра хотят убить! Сделайте что-нибудь! – воскликнула женщина.

– Кого? Кто и кого хочет убить?

– Они хотят убить Германа Николаевича Архипова, главного врача городской больницы!

– Архипова? – телефон задрожал у Юли в руке.

Вот только нового расследования журналисту Сорневой сейчас не хватало!

Глава 2

Фиалки и строгости Евгении Шумской

Евгения Олеговна Шумская любила утро, когда дома никого не было. Муж уходил на работу рано, сын убежал в тренажерку, а оттуда сразу в институт, и она спокойно поливала цветы, которых в квартире всегда было много. Евгении Олеговне нравилось, когда дом наполнен яркими красками, особенно она любила фиалки. Ей казалось, что даже названия сортов фиалок звучат словно музыка: Жемчужина Нила, Голубой Дракон... Это очень кропотливая работа – выращивание фиалок: полив, подкормка, влажный климат, словом, настоящее искусство. Но понимаешь, что все это не зря, когда из зеленых махровых листьев появляются нежные маленькие букетики.

Уделив внимание своим цветам, Евгения пила кофе и планировала день. В июне у нее зачеты для заочников, и там особых проблем не будет, – в предмете «культурология» студенты-заочники понимают столько же, сколько она в «деталях машин». Шумская дала им темы для рефератов, которые они благополучно скачают из интернета. Но она дама коварная – рефераты читает полностью, от начала до конца, и по ним вопросы задает, о чем и предупреждает своих дорогих студентов заранее, чтобы они обязательно ознакомились с работами перед зачетом. Увы, современному студенту не до культурных ценностей средневековой Европы или традиций Древней Греции: ему нужно зарабатывать на жизнь, и он не внемлет объяснению, что его жизнь станет лучше, если он узнает культурные традиции первобытного общества. Но Евгения Олеговна считала, что зачет есть зачет, и если вы хотите получить автограф преподавателя, будьте добры, постарайтесь.

Евгения Олеговна с улыбкой вспоминала, как потеют заочники, когда она читает их же рефераты и задает по ним простые вопросы, ответы на которые можно найти тут же, в тексте.

– Что такое становая солидарность в рыцарской культуре? Что для вас ближе: массовая или элитарная культура? Что такое готический и романский архитектурные стили?

Если студент вздыхал и молчал, то Шумская отправляла его читать свой, скачанный из интернета, реферат. И пусть она понимала, что заочник и не вспомнит через час слово «культурология», но у нее были свои принципы и отступать от них Евгения Олеговна не собиралась.

Не красота спасет мир, а культура и духовное наследие. Доцент Шумская в этом была уверена, как и в том, что Достоевского цитируют неправильно. У Федора Михайловича есть такая фраза: «Мир спасет красота», а говорят обычно «Красота спасет мир». Но смысл фразы совершенно меняется. В первом случае имеется в виду, что внутри мира есть нечто – красота, которая может его спасти. Ей это уточнение очень нравилось.

У дневников, то есть у студентов дневного отделения, Шумская преподавала другой гуманитарный предмет – журналистику. Это неосведомленному кажется, что между культурологией и журналистикой большая пропасть. На самом деле любой печатный орган: журнал то или газета, есть орудие формирования культуры нации, не больше и не меньше.

Сегодня у Евгении Олеговны была последняя лекция в группе «оэсок» – так ласково в университете называли специальность «связь с общественностью», и завершалась лекция интервью с известным человеком. На интервью согласился главный врач городской больницы – Герман Николаевич Архипов. Шумской удалось с ним договориться через знакомую журналистку из местной газеты Юлю Сорневу.

Евгения Олеговна любила, когда к теоретическим знаниям, как, например, изучение жанра интервью, добавлялась хорошая практика. Студенты в этот раз должны были заранее приготовить гостю вопросы, задать их и потом написать небольшой творческий отчет. Да и точка в годовой работе будет поставлена яркая: есть возможность пообщаться с нестандартной,

интересной личностью. Евгения Олеговна не была знакома с Архиповым и, когда позвонила ему, думала, что получит отказ, поэтому очень волновалась. Но стоило только сказать:

– Герман Николаевич, я вас прошу принять участие в студенческой работе по интервью, – как он сразу же ответил:

– Да, да, конечно. Мне Юля Сорнева звонила. Как же я могу вам отказать? Журналистов тоже надо учить, учить на людях. – Он засмеялся. – Я согласен быть вашим подопытным кроликом.

– Герман Николаевич, ну какой вы кролик?! – возмутилась Шумская. – Вы почетный гость на лекции. Если можно, немного расскажите о себе: почему вы решили стать врачом. А потом студенты вопросы вам зададут, они готовятся.

– Евгения Олеговна... Я правильно запомнил, как вас зовут?

– Да, Герман Николаевич, правильно.

– Евгения Олеговна, а если я правду студентам скажу? Я хотел быть не врачом, а милиционером.

– Как милиционером? – она растерялась.

– Так. Простым советским милиционером, убийства раскрывать.

– Но вы же стали главврачом, значит, как-то вы определились вовремя с профессией?

– Отец у меня был жесткий, – ответил Архипов. – Сказал, что я должен в медицинский поступать, и все тут! Я, может, до сих пор, когда милиционера вижу, или как сейчас говорят, полицейского, у меня сердце сжимается. Это можно студентам говорить, Евгения Олеговна?

– Вы уверены, что стали бы лучшим милиционером, чем врачом? – поинтересовалась она.

– Не знаю, не пробовал быть милиционером. Врач из меня получился хороший. А мечта так и осталась мечтой.

Разговор Евгении Олеговне показался странным, с виду Архипов был неприступным чиновником, преданным медицине, а как оказалось, человеком поразительно тонкой душевной организации. До сих пор грустит по детской мечте. Они договорились о встрече, все согласовали, но когда настал день его визита в институт, Шумская переживала.

– Ну, все! Кофе выпит, сыр доеден, пора выдвигаться, – сказала Евгения вслух.

Группа «оэсок» в основном состояла из девчонок, два молодых человека, которые числились в списке, на занятия приходили редко. С ними Шумская разберется потом, этим летом они с мужем в отпуск не уезжают, надо делать в квартире ремонт, строить на даче баню, поэтому зачет у юношей она может принимать хоть до осени. И пока нерадивые студенты не сдадут ей все жанры – от интервью до репортажа, – пляжа им не видать. Это девчонок можно жалеть, им и диплом получить надо, и грамотно выйти замуж. Иначе для чего дается студенческая жизнь? Она, например, именно в институтскую пору нашла себе будущего мужа – студента технического вуза, ныне инженера конструкторского бюро. Мальчикам по жизни все дается легче, и если уж они посчитали нужным не ходить к ней на занятия, то уж пусть расстараются, когда будут сдавать зачет.

Герман Николаевич Архипов не подвел, пришел вовремя: красивый, статный, молодой, сорок лет, а уже руководит городской больницей. Зайдя в аудиторию, он громко восхитился:

– Какие красивые девчонки!

В ответ раздались аплодисменты и смех.

«Замечательное начало, – подумала Шумская. – Знает доктор, что сказать молодым девушкам».

Студентки к диалогу были подготовлены хорошо, вопросы, которые они будут задавать Архипову, – интересные.

Этим курсом Евгения Олеговна гордилась. И была в них уверена, хотя интервью – это один из самых сложных жанров. Требуется следовать определенной тактике и стратегии. Вос-

ходит к античному диалогу. «Ты, Сократ, прекрасно спрашиваешь, мне и отвечать приятно» – слова, приписанные Платону, хорошо отражают и современную суть. В нынешнем интервью не спрашивают: «На сколько процентов вы перевыполнили план?» Здесь важно дать возможность высказать свою точку зрения. Нужно идти к собеседнику с мыслью и за мыслью: цифры и имена – этого недостаточно для того, чтобы написать хороший материал.

Архипов начал рассказывать о себе, о том, что мечтал в детстве стать милиционером, и это звучало мило и немного наивно.

– Теперь я просто чиновник, – с сожалением сказал он.

– А вы разве сейчас не оперируете? – задала вопрос одна из студенток.

– Нет, совсем нет времени. Надо заниматься ремонтом стационара и другими хозяйственными вопросами. На двух стульях усидеть нельзя, это правильная пословица.

– А вы не жалеете, что оставили операции? – спросила другая студентка.

– Я жалею, что не стал милиционером, – улыбнулся Архипов.

«Ну вот, что он опять про милиционера, – сердилась Шумская. – Еще сейчас скажет, что его папа заставил стать врачом!»

Но, к счастью, Архипов не стал развивать эту тему.

– Шучу я, девушки, шучу. Это так жара на организм действует. Я очень жалею, что у меня нет возможности оперировать, я ведь хороший хирург, но в сутках только двадцать четыре часа, и я очень много работаю.

Правильно все-таки, что она его пригласила. Такие успешные люди, как образец, с которого надо делать жизнь, нужны молодежи, очень нужны. Вон как у девчонок глаза горят. А вот Свету Приходько она упустила, недоглядела: студентка опять пришла на занятие с голым животом, майка еле грудь прикрывает. Евгения Олеговна не ханжа и понимает, что такое мода, но показывать на занятиях голые части тела – дурной вкус. Она потом поговорит с Приходько, проводит Архипова и выскажет девушке все, что о ней думает.

– Я не обманул ваши ожидания, Евгения Олеговна? – спросил после завершения занятия Архипов.

– Что вы, Герман Николаевич! Огромное вам спасибо.

– Красивые у вас девчонки, – он лукаво улыбнулся. – Как и их преподаватель.

Евгения смутилась и подумала: жаль, что они уже подходят к выходу на стоянку и она сейчас попрощается с гостем. Она бы и сама позадавала ему вопросы, интересный он человек, такие встречаются редко. Около стоянки машин никого не было, Герман Николаевич нажал на кнопку брелока, и его автомобиль «подал голос», как обученная собака.

– Спасибо вам еще раз, Герман Николаевич, – с чувством произнесла Шумская и пошла назад в здание института.

Но уже у входа зачем-то оглянулась и увидела, как Архипов оседает на землю, а парень, появившийся неизвестно откуда рядом, поддерживает его за руку.

Глава 3

Сомнения и бабушка Колокольцева

Юля переживала. Звонившая на горячую линию в газету женщина сообщила о том, что кто-то завтра собирается убить главврача горбольницы Германа Николаевича Архипова. Ерунда какая-то! Кому понадобится убивать Архипова? Дамочка наверняка не в себе.

– Юлька, чего-нибудь случилось? – Вадик Тымчишин закончил принимать звонки и обернулся к ней.

– Еще пока не знаю, мне надо подумать, – задумчиво ответила Юля.

– Молодцы! Молодцы! Я знал, что все у нас получится! – Егор Петрович был очень доволен и даже похлопал в ладоши. – Звонков больше сотни, газету читают, на газету надеются, газету просят о помощи. Вам, Мила Сергеевна, отдельная благодарность за организацию.

– Да никто и не сомневался, что хорошо получится. У вас всегда светлые идеи. – Мила Сергеевна осталась довольна похвалой Заурского.

– Всем спасибо, все свободны. Планерка завтра в девять, – у Егора Петровича было великодушное настроение.

– Знаем мы это «свободны», – прошептал Тымчишин. – Завтра выдадут очередное задание, и опять – полный вперед. Сорнева, ты что как будто не в себе? Что случилось, подруга? Поклонник звонил, звал на пляж? Так ты соглашайся! На улице вон марево, только на пляже и спастись. У меня, между прочим, уже на пять тем серьезных встреч намечилось.

– Ой! – спохватилась Юлька. – Пляж отменяется. Вадик, я обещала, что мы бабушке Колокольцевой поможем!

– Ты бы, Сорнева, уже бабу к себе забрала? Носишься с ней как с писаной торбой, а она капризничает.

– Круто капризничает! Уж ты-то эту историю хорошо знаешь. На Анну Павловну люстра сегодня упала.

– Надеюсь, с люстрой ничего не случилось?

– Тымчишин, как смешно! Никто не хочет отвечать за этот идиотский капитальный ремонт, а бабушка страдает. Я обещала, что мы приедем и с люстрой что-то решим.

– Юлька, может, ей в ЖЭК лучше позвонить или социальную службу домой вызвать? Люди за это деньги получают, это их работа. А такие инициативные, как ты, уже коллегам в тягость. Может, ну ее, бабу?

– Ладно, я без тебя справлюсь, – сердито ответила Юля. – Девчонок вон позову. А то Колокольцева на горячую линию нашу дозвонилась, значит, ей помощь очень нужна.

– Да ладно, Сорнева, тимуровец ты наш редакционный, это я так, от жары вредничаю. Поеду я с тобой к бабуленции, привешу люстру на место, куда от тебя деваться?

– Спасибо, Вадим.

Юля знала, что помочь Вадик никогда не откажется, а все остальное «защитная завеса из слов», на которую не надо обращать внимания. Но вот что ей делать с последним звонком, с сообщением о возможном убийстве Архипова?

В полицию позвонить? Засмеют! Егору Петровичу рассказать? Но ведь никаких точных сведений нет. А мало ли неадекватных людей в редакцию обращается? Наверное, каждый пятый не в себе, да еще в такую жару.

– А у тебя как журналистский улов? – поинтересовался Вадик.

– Да есть несколько тем, – уклончиво ответила Юля. – Мой главный улов – бабушка Колокольцева. – Она помедлила и все-таки призналась: – И еще был какой-то странный звонок, непонятный...

– Летом масса побочных явлений, не переживай, – успокоил Вадик. – У меня тоже чудики звонили.

– Нет, у меня другое, я даже не знаю, как сказать.

– Ну если ты, подруга, слов найти не можешь...

– Вадик, не ерничай. Это был очень странный звонок. Понимаешь, женщина, которая позвонила, она не похожа на ненормальную.

– Ну и что она хотела? Заасфальтировать дыры в своем дворе?

– Нет, это совсем другое. Она сказала, что завтра может случиться убийство.

– Здрасьте, приехали! – всплеснул руками Вадик. – У тетки точно от духоты съехала крыша. Тепловой удар. Надеюсь, ты посоветовала ей выпить таблетку аспирина и лечь с холодным компрессом на кровать. А еще лучше, пойти в кино, там кондиционеры работают.

– Я не успела ей ничего сказать. Женщина сообщила про убийство и сразу повесила трубку. Она сказала, что позвонила мне, потому что доверяет как журналисту.

– Ну, Юлька, твое имя в городе на слуху, у тебя статей много про расследования, поэтому дамочка сориентировалась. Истеришка, наверное.

– Нет, Вадик, не похоже. У нее не было истерики, надрыва, а чувствовалась в голосе обреченность, печаль.

– Она сказала, кого должны убить?

– Да!

– Ну, не тyani, Сорнева, не тyani! – нетерпеливо воскликнул Вадик. – Кого?

– Главного врача нашей горбольницы Германа Архипова.

– Да ну! – Тымчишин присвистнул. – Прямо убить? Ну, это посложнее, чем люстра бабушки Колокольцевой. Ты знаешь, у меня была похожая история. Один мужик настойчиво звонил в редакцию и рассказывал, как его избили сотрудники пенсионного фонда. Я его фамилию спросил и начальнику организации позвонил. Мужик оказался больным, его там хорошо знали. Конечно, ни о каком избиении и речи не шло. Может, эта женщина больна неврозом навязчивых состояний? А ты позвони Архипову.

– И что я ему скажу?

– Ну, ты же с ним дружишь. Спроси, как дела.

Юля действительно была дружна с главврачом городской больницы Германом Николаевичем Архиповым. Несколько лет назад она писала с ним интервью для газеты, правда, каким начальником Герман тогда не был, но спас ее отца, когда у того случился перитонит. С тех пор Юля считала, что Архипов – лучший врач в области. И с тех самых пор, несмотря на разницу в возрасте, ее отец, Евгений Сорнев, дружит с Германом Архиповым.

К тому же Юля вдруг вспомнила, что у нее есть прекрасный повод позвонить Герману Николаевичу. Ее знакомая, преподавательница Евгения Шумская, попросила доктора Архипова выступить перед студентами, Юля ее просьбу передала и с тех пор с Архиповым не созванивалась.

– Ты прав, Вадим, я позвоню немедленно.

Юля набрала сотовый телефон Архипова, Герман Николаевич ответил сразу же.

– Говорите, девушка-журналистка. У вас опять кто-то заболел?

Юля действительно часто обращалась к Архипову: то надо было пристроить Заурского с его высоким давлением, то проблемы со здоровьем возникали у Милы Сергеевны. Герман помогал всегда, невзирая на занятость, совещания, ремонт стационара. Безотказный человек.

– Здравствуйте, Герман Николаевич! Спасибо, все живы-здоровы. Я хочу уточнить, вам Шумская дозвонилась? Вы обо всем договорились?

– Договорились, Юлечка, договорились. Завтра иду очаровывать студентов. Буду отвечать на их вопросы.

– Герман Николаевич, а у вас все нормально? Как вы жару переносите?

– Юля, какую жару? У меня работы неprovорот. Скажу тебе честно, что я от погодных условий не завишу, мне все равно, жара или холод. Ты жару плохо переносишь? Может, тебе врачу показаться?

– Нет, нет, спасибо. У меня все в норме.

Она попрощалась и нажала отбой.

– Все хорошо у него, завтра со студентами встречается, – сказала она Вадику. – Голос бодрый, как всегда.

– Значит, тетка больная была, не парься, Сорнева. Ты не солнышко, всех не обогреешь, всех убогих не пожалеешь. И вообще, Юлька, я давно тебе хотел сказать как другу и коллеге, – Вадим замялся.

– О чем? – она насторожилась.

– Да перестала бы ты всяких ветеранов опекать. Занялась бы устройством своей личной жизни. Замуж бы ты лучше вышла, подруга.

– Может, ты мне еще скажешь за кого?

– Ну, за Юру Тарасова, например. Классный парень. Предприниматель, олигархом будет. Купит тебе газету или модный гламурный журнал.

– Тымчишин, тебе тоже голову нынче напекло!

Юлька не собиралась обсуждать с ним свою личную жизнь. Ей самой для начала нужно во всем разобраться. Но в одном Вадик прав – все силы, всю себя она отдает газете и ни на что другое времени не остается. Юра Тарасов за ней ухаживает, это тоже правда, но ее сердце молчит.

– Не обижайся, Юльчик, кто ж еще тебе правду скажет.

– Вадик, ты отвлекаешься от темы! И нас ждет Анна Павловна Колокольцева.

Глава 4

Двое в гараже

Когда Герман Архипов как-то неестественно присел на землю, Евгения Олеговна решительно вернулась к институтской автостоянке. Рядом с Архиповым стоял хмурый бритоголовый парень и держал его под руку. У Шумской мелькнула мысль, что она где-то видела этого молодого человека. Но вот где? Другая мысль была более яркой и тревожной: с Архиповым что-то случилось.

– Герман Николаевич, что с вами? – воскликнула Евгения.

– Плохо стало человеку, – словно сквозь зубы пробормотал парень.

– Герман Николаевич!

Евгения подошла и заглянула ему в лицо. Глаза Архипова были полуоткрыты.

– Нужно вызвать «Скорую»! Помогите!

Вдруг она почувствовала укол в плечо.

– Вы с ума сошли? Вы что? Что вы делаете?! – хотела было возмутиться Шумская, но перед глазами возникло белое облако, и Евгения Олеговна растворилась в нем без остатка.

Когда Евгения очнулась, она вспомнила произошедшее, как будто картинку из другой жизни, а в этой жизни все было странно перепутано и совершенно непонятно. Ее рука была прикована к трубе наручниками, а помещение напоминало какое-то убежище. Было очень тихо и холодно.

– Кто здесь? – спросила Евгения и медленно повернулась, насколько позволяли металлические оковы.

В Древней Греции на корабли брали рабов и приковывали их цепями к скамейкам, а еще разгневанный бог-громовержец Зевс навечно приковал Прометея к хребту кавказских гор, чтобы бунтаря ежедневно терзал орел, разрывая и поедая печень. Вот и все познания преподавателя гуманитарных наук, которые здесь никак не пригодятся.

– М-м-м, – раздался стон где-то в углу помещения.

Евгения присмотрелась и увидела темный силуэт.

– Герман Николаевич, это вы? Герман Николаевич!

Это может быть только он, доктор Архипов. Значит, и ей, и ему вкололи какую-то гадость и приволокли в этот гараж. Зачем? Какой у преступников интерес? Они хотят услышать от нее о проблемах культурогенеза или обсудить тему «культура страны в зеркале журналистики»? Что же теперь делать?

Она хотела заплакать, но потом передумала. Сейчас мужчина придет в себя и обязательно что-нибудь придумает.

– Герман Николаевич!

– Да, – он ответил слабо. – Евгения Олеговна, это вы? Что произошло? Где мы?

– Да я сама толком не понимаю. Я уже попрощалась с вами, но потом обернулась и увидела, что вы сидите на земле, а рядом бритый парень поддерживает вас. Я решила, что вам от жары плохо стало и надо позвать врача, и закричала.

– Что кричали-то?

– Что нужно вызвать «Скорую». А парень подскочил ко мне и вколол что-то в плечо, больше я ничего не помню. И вот, привязана к трубе, сижу теперь с вами в гараже.

– Я тоже почти породнился с трубой. Наверное, это был пропофол или диприван, короче, кратковременный наркоз. М-да.

Глаза привыкли к темноте, и Евгения разглядела, что Архипов сидел на полу в паре шагов от нее.

– Странное у нас с вами продолжение, Евгения Олеговна.
– Странное, – согласилась она.
– Давайте будем рассуждать вместе.
– У меня голова не работает, – призналась Шумская.
– Ничего, ничего. У вас хорошая, красивая голова, наверняка светлая. Сейчас в себя придете, это небольшой шок. Не каждый же день вас к трубе приковывают.

«Он еще и шутит», – вздохнула Евгения, но с его доводами готова была согласиться.

– Получается, что на нас напали и похитили. Кто, почему, непонятно. Если я «пал» первой жертвой, значит, охотились на меня. Мне кажется, вы пошли со мной «прицепом», потому что оказались рядом. Вы стали неудобным свидетелем. Наше местонахождение неизвестно, какой-то гараж, звать на помощь некого, не услышат, поэтому силы на крики мы тратить не будем. Ситуация странная, но мы, слава богу, живы, и значит... – Он замолчал.

– Что значит? – ей хотелось кричать. – Что?! Что все это значит?!

– То, что похитители вернутся сюда в ближайшее время, и тогда уж либо пан, либо пропал. Они должны сформулировать свои требования или убить меня. Вас они не тронут.

– Это почему? Вы же сами сказали, что я неудобный свидетель.

– Это была одна из версий. Ведь взять с вас нечего.

– А с вас что можно взять? Правильный диагноз? Больничную койку? Дефицитные лекарства? Вы же не олигарх!

– Не олигарх, к сожалению. Семья живет на зарплату. Но факт остается фактом, нас похитили, значит, мы просто не знаем их цели. Думаю, что скоро узнаем.

– Я вспомнила! – Евгения чуть не подпрыгнула. – Я вспомнила этого бритого парня! Он учился у нас на заочном и сдавал мне зачет по культурологии. Вспомнила! Я вспомнила тему его реферата, она очень простая – «Алхимия как феномен средневековой культуры». Но он не сдал зачет, не смог защитить работу, он совсем ничего не знал, – она была растеряна. – Я не помню, как его звали... Антон, что ли? Не помню.

Евгения вдруг услышала, как Архипов засмеялся. Она сначала не поверила, что можно смеяться вот так, прикованным к трубе, в грязном гараже, но он хохотал так заразительно, что она и сама начала улыбаться.

– Ой, я не могу! – Герман отдышался. – Так все понятно теперь!

– Что вам понятно, Герман Николаевич?

– Так это похищение из-за вас, – он продолжал смеяться.

– Почему из-за меня?

– Вы же зачет парню не поставили? По этой, как ее, по культуре.

– По культурологии, – поправила Шумская. – Но он и правда ничего не знал, – оправдывалась она.

– Ой, перестаньте, Евгения, не смешите меня, пожалуйста.

– Я не понимаю, что тут смешного.

– Сам не понимаю, но смешно, – весело сказал он. – Мне показалась интересной ваша версия. Студент не получил зачет по культурологии и решил вам за это отомстить. А рядом оказался я, доктор Архипов, и попал под горячую руку. Выходит, это я – ненужный свидетель. А он что, этот бритый, совсем ничего про алхимию не знал?

– Совершенно был не в теме, такое редко у заочников бывает, я ведь понимаю, люди работают, времени учиться у них очень мало, поэтому особо не грузу культурологией. Подумаешь, зачет! Но мне хочется, чтобы они не зря потратили время. Про алхимию ведь все просто очень, она накопила запас знаний о веществе, связала их с современной химией. Я так старалась из него хоть что-то «выдавить», но он молчал, отправляла его читать свой же реферат, но никакого результата.

– Как у вас интересно! Если бы так могли студенты-медики учиться, то к врачам на прием больные бы перестали ходить. Если что не понял в диагнозе – иди книжку почитай.

– Ну зачем вы, Герман Николаевич, такие параллели проводите? Отсутствие знаний по культурологии не принесет человеку ощутимого вреда. Ну не будет он знать, кто такой Леонардо да Винчи или спутает его с Леонардо Ди Каприо, не велика беда. А вот если у врача не будет медицинских знаний, это катастрофа. Думаю, вы со мной согласитесь.

– Соглашаюсь и удивлен, что вы до сих пор тему несданного реферата помните.

Евгения Олеговна пожала плечами.

– Да что тут такого! Помню, потому что память профессиональная. Фамилию студента могу не вспомнить, а реферат – пожалуйста. А еще, я его попросила назвать библиографию, ну хотя бы одного автора, который написал по этой теме – о роли алхимии в судьбе человеческой. Отправила его опять почитать, но он так и не сориентировался, ничего мне про Рабиновича не сказал.

– Какого Рабиновича? При чем тут Рабинович?! – Архипов снова начал смеяться.

– Да что же тут смешного! – возмутилась Евгения. – Вадим Рабинович – главный исследователь этой темы, у него про роль алхимии несколько книг.

– Рабинович? Алхимия? Нет, это невозможно! – Герман смеялся так заразительно и весело, вскидывая не прикованную к трубе руку и вытирая ею слезы от смеха.

Потом они смеялись вместе и не слышали, как в замке заскрежетал ключ и стальная дверь гаража потихоньку открылась.

Глава 5

Доктор Архипов

За месяц до происшествия

«Не будет ничего плохого, если я прислушаюсь к чужим советам. Порой они могут быть весьма дельными. Ведь я же хирург, в конце концов, а не строитель», – Герман Николаевич Архипов, главный врач городской больницы, заметно нервничал.

Федеральные деньги, выделенные министерством, запаздывали, а строители требовали предоплату. Герман едва дожидался положенного времени – четыре часа разницы с Москвой, чтобы позвонить чиновникам и спросить.

– Ребята, у меня ремонт стационара под угрозой срыва. Что там с деньгами? Если я на этой неделе не заплачу, строители просто уйдут с объекта.

Московские чиновники отвечали лениво, с неохотой, мол, деньги на счет больницы должны вот-вот поступить и что-то там с казначейством, которое эти деньги не пропускает.

– Ну разберитесь со своим казначейством!

Ему ответили, что казначейство Министерству здравоохранения не подчиняется, и пока внутри казначейства сами не разберутся, деньги «зависнут».

– А мне что прикажете делать?

Герман недоумевал. Чиновники ни за что отвечать не хотят, а все шишки свалят на него. А у него сроки, люди, обязательства.

Главный строительный куратор и посоветовал:

– Направь письмо и в свое министерство, и в Министерство финансов, иначе деньги в положенный срок шансов получить нет. А на объект без финансирования работать никто не пойдет. Куда ты своих больных девать будешь?

– Пока не знаю. Все-таки надеюсь, что деньги скоро придут.

Куратор посмотрел на него грустно.

– Доктор, вы с какой планеты?

– А заметно, что я не местный?

– Заметно. Я в строительстве не один десяток лет кручусь. Чиновники в столице без взятки не чихнут. Они от вас ждут «отката», вся страна на этом живет.

– Взятки я давать не собираюсь и не умею, – решительно заявил Герман. – Мне же никто за операции взятки не дает.

– Не дает, потому что знают, что не возьмете. А другие берут.

– Вы хотите сказать, что в нашей больнице берут взятки? – нахмурился Архипов.

– Еще как, доктор, – усмехнулся строительный куратор. – Я сам давал взятку вашему врачу, и было это год назад, когда еще ремонтом стационара не пахло.

– Зачем давали? Такие, как вы, и развращаете наших врачей!

– А у меня был выбор? – возмутился куратор. – Жена сломала руку, поступила в отделение травматологии, заведующий мне сначала долго рассказывал, что врачи получают мало, а ему очень хочется в отпуск, жаловался, как он устал. Про больную, то есть про мою жену, у которой перелом со смещением, – ни слова, пока я сам не спросил. Оказалось, надо заплатить за металлическую пластину.

– Как заплатить? – растерялся Архипов. – Это расходные медицинские материалы, они для пациентов бесплатные.

– Ну, это вы так думаете.

– Зачем вы платили?

– За здоровье платил, за здоровье своей дражайшей супруги. Она мне еще пригодится.

– Понятно, – Герману было неприятно слышать такое о своих коллегах и подчиненных.

Разве заведением травматологии Окуневский мало получает? Да хоть сколько бы получал, брать с больных деньги немисливо!

– Вы зря ему заплатили, – упрямо проговорил Герман.

– Не зря, не зря. Дал деньги в конверте, а он не моргнув глазом взял. Но скажу честно, что жене операцию хорошо сделали.

Да, крыть Архипову было нечем. В клятве Гиппократова об оплате ничего не сказано. Авиценна, врач и философ, придворный врач эмиров и султанов, считал, что у доктора должен быть самый лучший дом, лучший скакун и роскошный халат, чтобы мысли о хлебе насущном не отвлекали его от лечения пациентов. «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного». Врачи действительно берут на себя ответственность за жизнь человека и получают за это совсем немного.

Врачей готовят шесть лет в институтах, чтобы потом ходить на вызовы на пятый этаж без лифта, собственноручно носить больных на носилках и многое другое. Архипов вздохнул. Половина его курса в медицине не работает, нашли более оплачиваемые места в других областях. Есть тут над чем подумать, но принуждать пациента или родственника давать деньги врачу – последнее дело.

Герман не сказал правды строительному куратору: говорили ему про отделение травматологии, что берет там заведующий взятки, только вот как доказать? Снять с заведования? Так Окуневский пошлет «доносы» во все мыслимые и немыслимые инстанции.

И в онкологии тоже есть эта проблема, только там взятка звучит как «благодарность в конверте», а благодарить медика можно и в кавычках, и без. И ты, жесткий и требовательный Архипов, не можешь уволить зарвавшихся. Да, все говорят, что Коля Окуневский – хороший врач. Но взяточник не может быть хорошим врачом.

Архипов вдруг вспомнил, как однажды Окуневский высокомерно говорил больному:

– Если вас что-то не устраивает в лечении, то я вас не держу.

Тогда он пригласил травматолога в свой кабинет и отчитал. А может, Окуневский и тогда намекал на взятку, а главврач не понял этого, не увидел? А должен был!

Архипов поежился, ему вообще последнее время казалось, что он многое упускает, причем рядом с собой, очень близко.

С Окуневским он разберется, все-таки снимет его с должности заведующего, снимет, потому что к отделению много претензий, и приказ есть о наказании заведующего, и вообще он назначен был на год. Николай не дурак, все поймет, но вот перестанет ли деньги брать с пациентов? Ответа на этот вопрос Герман не знал. Поэтому планировал взять отделение травматологии на личный контроль.

А еще он решил, что, после того как утрясутся вопросы с ремонтом, он вплотную займется отделением онкологии и выбьет туда новое оборудование лучевой диагностики. Весь мир давно уже работает по новым технологиям, вооружаясь методиками ядерной медицины, а в провинции продолжают лечить по факту: никакой ранней диагностики тут нет. Больнице необходимо современное компьютерное обеспечение, тогда и можно говорить о новых лучевых технологиях. Но найдутся ли в министерстве деньги на оборудование? А если найдутся, кто будет на нем работать? Квалифицированных кадров мало.

Архипов распрощался со строительным куратором и пошел к себе в кабинет, ему хотелось побыть одному.

– Герман Николаевич, что-нибудь случилось? – его секретарь Галина Ивановна чувствовала настроение начальника за версту. – Доконает вас эта стройка, вон вы даже медсовет отменили.

– Отменил, Галина Ивановна, отменил.

Говорить помощнице настоящую причину своего решения Герман не хотел. Что-то еще неладное происходит в отделении пульмонологии: в документах все время путаница, с потоком больных врачи не справляются. Конечно, завотделением Роза Викторовна Ерашова – женщина суперактивная, ее энергией можно растопить айсберги, но только эту энергию все время нужно направлять в нужное русло. Жены больших начальников, а у Розы муж важная шишка на военном заводе, иногда подменяют понятия – дом-работа. И ведут себя «женами начальников» на производстве, скандалят с коллективом, выясняют отношения, не терпят, когда им возражают. А какая она была милая скромница, когда после мединститута пришла на работу. Архипов тогда нахвалиться на молодого доктора не мог, даже жена немного ревновала.

– Ты со своей Розой носишься как с писаной торбой!

– Ну, на торбу она не похожа, – отшучивался Герман.

– Смотри, Архипов, я долго ее взгляды терпеть не буду.

Герман только посмеивался, он любил жену. Куда он без Тайки? Он так долго добивался, чтобы Таечка стала его женой. Все у него получилось, только вот рад ли он? Детей Таисия не захотела, и он не смог ее убедить, да и, несмотря на то что Тая сама доктор, здоровье у нее неважное, головные боли мучили.

Роза Ерашова стала уникальным доктором – торакальным хирургом и порой оперирует не только легкое, но и молочные железы с пищеводом.

Она и судьбу свою нашла на работе, в отделении. У мужчины был диагноз «обструктивный бронхит», к тому же на фоне серьезной депрессии, связанной со смертью супруги.

Диагноз «депрессия» почти так же популярен в народной самодиагностике, как и «насморк», но с большим начальником была совсем другая история. Мужчину постоянно угнетало чувство вины за то, что не сберег жену, он страдал от одиночества. Организм отреагировал на депрессию по-своему: затрудненным дыханием, мучительным изматывающим кашлем и бронхоспазмами. Так совпало, что Роза Викторовна была не только хорошим врачом, но и красивой женщиной. И можно только догадываться, что активней повлияло на выздоровление больного. А вскоре они с Розой сыграли свадьбу. Архипов тогда на утренней планерке публично поздравил новоиспеченную госпожу Ерашову с бракосочетанием и пожелал счастья. Коллеги захлопали, а Роза вспыхнула как цветок ее имени. Очень скоро Архипов назначил ее заведовать отделением, и дело было совсем не в статусном муже, а в том, что Роза Ерашова как нельзя лучше подходила на эту должность.

Архипов был уверен в том, что женщины, когда выходят замуж, становятся более спокойными, мудрыми, взвешенными. Они знают, что после нескольких часов, проведенных на работе, им нужно сохранить в себе силы, чтобы не огорчить невниманием тех, кто их ждет дома. Они вынуждены уступать и идти на компромиссы. Но теперь Герман наблюдал, что у Розы Викторовны происходила другая история: из милого и всепонимающего доктора она превращалась в злобную, скандальную стерву, как будто осталась в старых девах, не меньше. Медсестры и другой персонал шептались у Розы за спиной, что вышла она за «папика» по соображениям финансовым, да, видно, счастливой жизни не получалось, иначе отчего такая красавица стала нервной и срывается по каждому поводу?

Герман собирался выяснить, что же происходит с Розой и в ее отделении, потому что был уверен, что это звенья одной цепи.

– Травяной успокаивающий чай. – Галина Ивановна знала, что ему нужно.

– Спасибо.

Герман так и не мог придумать, как ускорить поступление денег на ремонт стационара. Может, куратор прав, стоит написать письма-жалобы, письма-просьбы. Сходить к мэру на прием. А то он лечит всю администрацию, а что толку?

Архипов вдруг вспомнил, как он первый год своей профессиональной деятельности работал на «Скорой». Вызов был поздно ночью – гипертонический криз. Бабушка, которую он приехал спасать, вдруг спросила:

– А вы Маяковского любите?

Герман даже растерялся и переспросил:

– В смысле, поэта?

– Ну да, Владимира Владимировича Маяковского. Я учительница литературы.

Он не выдержал и рассмеялся – ночь, гипертонический криз и Маяковский, это был перебор.

– Я сегодня нашла его стихотворение, – продолжала бабушка, – «Мразь» называется, очень современное. – И она начала читать с выражением:

Подступает голод к glandam...
Только, будто бы на пире,
Ходит взяточников банда,
Кошельки порастопыря.

Тогда Герман поставил пациентке успокоительное. А сейчас вдруг вспомнил ту бабушку и строки Маяковского. Может, это был ему знак какой, а он просто не понял, и теперь в его больнице берут взятки, а старушка-учительница хотела его предупредить.

Чай от Галины Ивановны не помог. Герман знал, что ему поможет – только деньги на ремонт стационара, которые он ждет. Это его единственное лекарство.

Глава 6

Очень плохой день

День не задался с утра, хотя вечер накануне об этом предупреждал. До Анны Павловны Колокольцевой Юля с Вадиком Тымчишиным и верстальщиком Володей все-таки добрались. Старушка встретила журналистов со слезами на глазах.

– Бросили меня все, бросили!

– Анна Павловна, вам же предлагали переехать, – растерялась Юля.

– Куда переехать, Юля?! Мне умирать пора, а не переезжать.

– Ну что вы такое говорите!

– Говорю что есть. Помереть спокойно не дают! Вот она, чертова кукла, – Колокольцева пнула лежащую на полу люстру. Стекло зазвенело, рожки закачались.

Володя с Вадимом подняли люстру с пола.

– Давай мне подавай, а ее на крюк подвешу, – Вадим пододвинул стул и залез на него. Вова взял люстру, начал было подавать, но случайно толкнул стул, и на полу образовалась куча-мала: двое мужчин и висячий светильник, вернее, то, что от него осталось.

– О господи! – Юле только и оставалось всплеснуть руками. Все три плафона люстры раскололись на большие куски, сиротливо торчали рожки и провода.

– Ой, простите, пожалуйста, мы нечаянно, – принялся оправдываться Вадим.

– Мы не хотели, – вздыхал Вова.

– Ой, ой, бог с ней, с люстрой! Вы-то не ушиблись? – заохала Колокольцева. – Руки-ноги целы? Как вы, мальчики?

– Целы, целы, – ответил Вадик, поднимаясь. Володя тоже встал, отряхиваясь от осколков.

– Вот и помогли бабушке. Сегодня уже все магазины закрыты, люстру не купишь. Извините, пожалуйста.

– Это вы меня извините, – Колокольцева расстроилась. – Покалечиться же могли из-за меня.

– Вот ты меня все ругаешь, Юлька, а я, как знал, патрон с собой прихватил, у меня в столе в редакции валялся, словно случая ждал, – весело заявил Вадик. – Бабушка, а лампочка простая у вас есть?

– Нет, откуда? Разбились же с люстрой.

– Мы сейчас с Вадимом пойдем на «дело», – Володя воспрянул духом.

– На какое дело? Вы свое дело уже сделали. Спасибо, больше не надо, – Юля соображала, что же предпринять дальше.

– Женщина, уже уймись! Это дело только мужское.

Вадим и Вова удалились из квартиры с заговорщицким видом и вскоре вернулись, каждый держал в руках по лампочке.

– Операция «Подъезд» завершена, – отрапортовал Тымчишин.

– Лампочки в подъезде украли! – догадалась Юлька. – Хулиганы!

– Зато сейчас будем свет в квартиру подавать, – они гордо потрясли лампочками.

– Ворюги! – попыталась устыдить парней Юля.

– Мы просто находчивые. Учись, подруга, – подмигнул Вадим. – А то бы убились здесь, пришлось бы на поминки тратиться. Зато какой бы заголовок был в родной газете!

Юля не смогла удержаться от смеха. Но самое главное, что осталась довольна бабушка Колокольцева, которая с восторгом наблюдала, как мужчины вкручивали сначала патрон, а потом и лампочку.

– Спасибо вам, а то как бы я без света? Спасибо, Юленька! – сказала она, провожая гостей.

Тымчишин пообещал купить Анне Павловне новую люстру и повесить ее завтра, а поломанную они все вместе выкинули в мусорный бак.

С утра в редакции все обсуждали итоги горячей линии. Солировала, конечно, ответсек Мила Сергеевна.

– Заурский наш молодец, напряг всех, построил, вот и результат есть.

– Вы о каком результате говорите? – иронизировал Попов, по словам ответсека, журналист «старой формации». Хорошо это было или плохо, принадлежать к такой формации, в редакции не понимали.

– О таком, что был читательский интерес, новые темы, новые лица.

– А мне лиц не надо, я все насквозь вижу.

– Вечно вы, Артемий Петрович, меня подкалываете! Люди в вашем возрасте более толерантны.

Попов не стал расстраивать женщину и говорить, что возраст-то у них почти одинаковый.

– Мила Сергеевна! Ну где вы таких слов умных набрались? Это молодежный сленг, наверное?

– Я умная по определению.

Юля с улыбкой наблюдала за перепалкой коллег. Она-то точно знала, что Попов – добрый, мудрый и всепонимающий и подкалывает он Милу Сергеевну не потому, что человек конфликтный, а исключительно по большой братской любви. И если кто-то вдруг захочет женщину обидеть всерьез, то Попов сотрет ее обидчика в порошок.

Юля в который раз подумала, что профессию она выбрала правильно – по своему характеру, по способностям и по душе. Ведь если без души ходить на работу, это каторга. Для нее работа – удовольствие, и, похоже, это не она выбрала газету, а газета – ее, потому что не отпускает от себя. Каждый сотрудник редакции стал для Юли близким человеком, в судьбе многих она лично принимала участие.

Взять, к примеру, корректора Надю Метелю, которая «напоролась» на Фейсбуке на мошенника: ловкого молодого человека. А может, и не молодого совсем, кто их в социальных сетях разберет? Потенциальный жених обещал приехать к ней из Америки в Россию, но с ним якобы произошло несчастье – корабль, на котором он плыл, захватили пираты. Для того чтобы освободить любимого, Метеля отослала пять тысяч долларов в неизвестном направлении, к тому же с ее карточки исчезли все деньги: она доверчиво сообщила мошенникам электронную почту и телефон. Надюша попала на типичный развод, а эмоциональная привязанность усыпила бдительность¹.

Юлька тогда очень сочувствовала Наде, кроме того, что ее ограбили, ей еще и сердце разбили. Юля потом осторожно рассказала коллеге, что такие письма называются «нигерийскими», потому что родиной мошенничества является эта страна. Письма мошенников изобретательны, проникновенны, с трагическими и слезными историями, и не придет в голову романтической женщине, что все это умелая декорация и лохотрон.

История, которая случилась с Надей Метелей, в прошлом. Она нашла свое счастье, но не за далекими морями, не в интернет-пространстве, а в соседнем подъезде – встретила вдовца по имени Максим, и теперь у нее настоящая семья: муж и приемная дочка. И об иностранных женихах Надя больше и не вспоминает. Как говорил барон Мюнхгаузен: «Мы были искренни в своих заблуждениях».

А вот заблуждалась или нет та незнакомка, что позвонила вчера по горячей линии? Юля проверяла несколько раз свой личный сотовый номер, выданный на период горячей линии, –

¹ Подробнее об этом в романе Людмилы Феррис «Предел несовершенства».

номер, с которого звонила женщина, был скрытый. Никому и в голову не могло прийти, что надо ставить программу «супер-определитель номера». И стоит ли реагировать на анонимные звонки?

Что она имеет в итоге? Звонила женщина, она не истерила, не нервничала, она знала, о чем будет говорить и с кем. В полицию женщина заявлять не собиралась. В ее голосе слышались требовательные нотки, она хотела, чтобы журналист Сорнева ей поверила и начала действовать. Ну, конечно, действовать!

– Юльч, не волнуйся, люстра висит на потолке. – Это пришел Тымчишин.

– Интересно, с каких это пор, Вадик, ты докладываешь Сорневой про люстру. Что за люстра? В вашей спальне? А почему народ не в курсе? – забрасывала вопросами Мила Сергеевна.

– Мила Сергеевна, это не вы про Шерлока Холмса написали? – усмехнулся в ответ Вадик. – Нет? Удивительное дело, а я думал, что вы. Столько фантазии и все попусту. Я покупал люстру нашей редакционной бабушке Колокольцевой. Вчера люстра была разбита. Сегодня потеря восстановлена. Покупка люстры производилась по заданию журналиста Сорневой. Отчет закончил.

– Ну, Вадик, и болтун же ты! Мог бы сразу про Колокольцеву мне сказать, а то голову морочил.

– Я морочил?

– А кто же еще, конечно, ты.

– Юлька, а может, и правда, порадуем общественность? Давай тоже люстру себе купим, одну на двоих? А к люстре потом нужна спальня...

– Отстань, у меня люстра своя есть и своя спальня, – Юле совсем не хотелось шутить.

Она вчера, похоже, не сориентировалась в ситуации, и надо быстро исправляться. Сегодня утром, как раз по ее, Юлькиной, договоренности Герман Николаевич Архипов встречается со студентами Шумской.

С Евгенией Олеговной Шумской, преподавателем журналистики и культурологии, Юля была знакома давно. Женщина ей нравилась тем, что подходила к своей работе с выдумкой и хотела сделать из тех, кто выбрал специальность «связь с общественностью», настоящих профессионалов. Она и Юлю Сорневу приглашала для того, чтобы поближе познакомиться с газетой «Наш город» и направить студентов туда на практику. Идея пригласить Архипова тоже принадлежала Шумской, и Юля согласилась помочь.

Вспоминая тот разговор, Юля поняла, что ей нужно срочно в институт, она должна увидеть Архипова живым и здоровым, тогда все встанет на свои места и она забудет про необычный звонок.

– Вадим, до института меня подвезешь?

Он как будто все понял.

– Без вопросов.

И только Мила Сергеевна язвительно кинула в спину:

– Все-таки люстру пошли выбирать.

В аудитории, где обычно проходили лекции Шумской, было пусто. Юля зашла в деканат.

– Девушка, мне Евгения Олеговна нужна.

– Ой, сами потеряли, – растерянно ответила секретарша.

– У нее на занятиях должен был быть главврач городской больницы – Архипов Герман Николаевич.

– Да, он приходил, Евгения Олеговна его встречала, переживала, а потом, студенты говорят, занятие закончилось и они ушли. Вместе. Евгения Олеговна так и не вернулась. А у нас сегодня заседание кафедры. Пытались дозвониться, но телефон у нее недоступен.

– Где мне группу найти, у которой занятия были?

- Аудитория два-два. Если вдруг Шумская там, то скажите, чтобы в деканат зашла. Нужную аудиторию Юля нашла сразу, но увидела там только двух студенток.
- А где вся группа? – удивилась она.
- А вам зачем? – Девочки с аппетитом хрустели чипсами.
- В чипсах калорий много, будете толстыми, – раздался сзади мужской голос. Вадик Тымчишин следовал за Юлей как верный страж.
- Не будем, – девчонки захихикали. – У нас все калории учеба поглощает.
- У вашей группы было занятие по жанру интервью с гостем доктором Архиповым?
- Да, – студентки кивнули, не переставая жевать.
- Где мне найти Евгению Олеговну? Когда вы ее видели?
- Ну, она пошла этого врача провожать, и все. Мы подождали немного, потом звонок прозвенел, мы и пошли. Больше Евгешки не было.
- Юля, а ты позвонить не хочешь? – тихо спросил Вадим. – И Шумской, и Архипову.
- Не хочу. Боюсь, – так же тихо ответила она. – Куда она могла его провожать? Разве что к стоянке машин во дворе? Пошли!
- Да позвони ты, следопыт!
- Ты прав, у меня истерика начинается, – вздохнула Юля. – Сейчас. – Она достала телефон, набрала сначала номер Архипова, а потом Шумской. – Оба абонента – вне зоны доступа. Они спустились к автостоянке.
- Вадик! Это машина Архипова! Его машина! – Юлька показала на серебристый «РАФ».
- погоди, Сорнева, не гони волну. Может, они чай пошли пить и заболтались.
- А почему телефоны выключены? Вадик, это точно машина доктора Архипова! Что-то случилось!

Глава 7

«Однорукие бандиты» семьи Исмаиловых

Антон Исмаилов знал точно: если человек утверждает, что выигрыш в автомате возможен, значит, он либо владелец игрового клуба, либо мошенник. Его отец, Мухаб Исмаилов, был владельцем игрового клуба.

Отцовскую историю жизни Антон знал наизусть, отец был с ним откровенен и учил жизни на своем собственном примере.

Молодой парень из Таджикистана, Мухаб Исмаилов после службы в армии решил остаться на гражданке в городе, где служил, и устроился временно разнорабочим на базар. Нужно было оглядеться. Мухаб был умен, по-восточному коварен, смазлив – словом, обладал основными качествами для того, чтобы удержаться в этой жизни на плаву.

Родительская семья, что осталась в родной деревне, была большой и часто голодной. Работы в окрестностях не было, поэтому отсутствие лишнего рта там восприняли с облегчением. Мухаб снял крошечную комнату у женщины-инвалида и начал новую жизнь. Он мечтал о богатстве и понимал, что не будет целыми днями лежать на диване и пить пиво. Мухаб не был наивным, чтобы надеяться на честно заработанные миллионы, миллионы нужно было у кого-то отнять.

Соратники в этом деле нашлись быстро, такие же, как он, – отслужившие солдатики, братья Борис и Радик Ионовы, торгующие куртками на том же базаре.

Вечерами в маленькой комнате Мухаба они собирались и обсуждали, как им поскорее заработать. Грабить банк было опасно, и они решили, что грабить людей – меньший риск. На этом можно сколотить первоначальный капитал, а потом его приумножать. Да и вообще, что за труд такой на износ: торговля на базаре, если работающие не богатеют?

Детали того, как отец преступным путем добывал деньги, мальчику Антону были неведомы. Этот период жизни Мухаб благополучно отпускал, считая его случайностью. Впрочем, вся жизнь состоит из случайностей, которые кардинально ее меняют. Самая главная случайность – оказаться в нужное время в нужном месте.

Появление сына Антона на свет тоже было игрой судьбы. Хозяйка квартиры, где снимал комнату Мухаб, носила звучное имя Домна. Она была инвалидом с детства, переболела полиомиелитом, хромала на обе ноги и жила на пенсию. Женщина была милой, неназойливой и покладистой, и когда слегка подвыпивший горячий мужчина Мухаб залез к ней в постель, она не отказала.

Ему было удобно: Домна готовила ему еду, стирала, привечала в постели, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте: ему двадцать один, а ей сорок. Но однажды Домна оголошала своего любовника:

– Я ребенка жду. Я буду рожать.

Мухаб пожал плечами, раз женщина решила рожать, пусть рождает. Он ей не советчик. У него в родном кишлаке семьи всегда большие, и под одной крышей проживают несколько поколений родственников, отношения строятся на беспрекословном подчинении хозяину дома и почитании старших. Но жениться на Домне он не собирался: возрастом для замужества девушек у него на родине считается четырнадцать лет, жена является хозяйкой в доме, но исполняет беспрекословно любую волю своего мужа и его родителей. Брачные узы закрепляет имам, а не загс.

А как он покажет в кишлаке русскую женщину намного старше себя? Его не поймут. Отец только посмеется над ним, что не мог найти молодую девчонку.

Единственное, какой вывод сделал для себя из этой ситуации Мухаб: он перестал платить квартплату Домне, раз он теперь отец ее ребенка, какие уж тут денежные счета?

А Домну не волновало нежелание любовника на ней жениться и другие условности не волновали. Старая дева на инвалидности и не мечтала родить ребенка, но бог услышал ее молитвы. А с татарчонком, так она про себя называла Мухаба, она разберется потом. Главное, что он перестал водить девок, а то у нее был сильный токсикоз, и чужие женские запахи раздражали.

Сына Домна назвала Антоном и записала на Мухаба Исмаилова. И однажды Мухаб вдруг увидел в ребенке свое продолжение – темно-кудрявое с черными глазами, мальчик был его копия, и что-то в сердце дрогнуло. Так и продолжали они с Домной жить вместе, объединенные сначала отсутствием у Мухаба жилья, потом наличием общего ребенка, которому нужен отец, ребенка, наконец, нужно обувать, одевать и воспитывать.

Тем временем деньги, полученные отъемом у честного населения, друзья решили вложить в дело. Дело подвернулось тут же в виде игровых автоматов. Для открытия казино или цивилизованного зала средств не хватало, а вот небольшой подвальчик по бросовой цене купить удалось, и разместить там «одноруких бандитов». Мухаб Исмаилов с радостью оставил базар, а его друзья – торговлю куртками, временно отложили и уличные грабежи, новоявленным бизнесменам это было уже не нужно. Бизнесом требовалось заниматься ежедневно, ежедневно, ежеминутно.

Человек не может адекватно реагировать, когда его разум погружен в игру, игровые автоматы стали массовым заболеванием. Исмаилов не погружался в проблемы психологии игроков, но четко понимал их: азарт подобен наркотику.

– Завтра выдачу повышаем, – он давал команду администратору по итогам прошедшего дня.

Это означало, что завтра – «день игрока», день «заманивания», день «бесплатного сыра в мышеловке», когда ставится большой процент выдачи выигрыша, чтобы игроки приходили к автоматам вновь и вновь. Когда народу будет достаточно, процент выдачи резко снизится, и люди снова начнут оставлять свои деньги. Процент отдачи никто контролировать не мог, кроме самих хозяев заведения, так что получалось, что грабеж продолжался, но уже с согласия жертв.

Постоянных клиентов заведения владельцы знали в лицо, и когда те проигрывали все деньги, то получали игру в кредит, игроки верили: удача им улыбнется и они непременно отыграются.

Мухаб любил рассказывать в своем игровом зале одну и ту же американскую историю:

– В казино Лас-Вегаса одна молодая пара вложила в игру всего двадцать долларов, а выиграла три миллиона.

Сказки, что кто-то может обогатиться за одну ночь, часто гуляли в таких заведениях и поддерживались хозяевами. Люди, существа слабые, искренне верящие, что можно заставить удачу улыбнуться, что можно легко стать богатым. Красота и роскошь притягивали к себе «новых русских» и тех, кто хотел на них быть похожим.

Но взятые кредиты приходилось возвращать, и в результате всех комбинаций азартные игроки оставались бомжами, семьи распадались, а долги вырастали до астрономических сумм.

Даже тогда, когда государство забило тревогу, потому что в игровой процесс вовлекались многие, независимо от возраста и профессиональной деятельности, когда казино и автоматы повсеместно запретили, Исмаилов не растерялся – он перевез автоматы на квартиру, которую благополучно для этого приобрел.

– Наши игроки не слезут с «иглы» и пойдут в подвалы, на квартиры, куда угодно, где можно удовлетворить свою страсть, – говорил он братьям Ионовым.

Друзья с его мнением уже давно привыкли считаться. Мухаб обычно всегда был прав, когда дело касалось наживы.

Лидером в их преступной группе был Мухаб, из скромного таджикского юноши он давно превратился в расчетливого дельца, самоуверенного бизнесмена с «криминальным оттенком», за это партнеры его уважали, ценили и побаивались.

Мухаб любил жизнь, деньги и красивых женщин. Не пропускал ни одной юбки, но жил все так же в квартире Домны вместе с сыном, к которому был привязан и которого любил. Квартира, конечно, уже была не той, что прежде, а объединяла все квартиры на этаже. Домна оставалась как бы на своей территории, а все остальное было подчинено интересам двух мужчин.

– Мой красавчик! Папа все для тебя сделает в жизни. Только расти и будь здоровым, – любил говаривать Мухаб сыну.

Мухаб мало заботило, что мать его ребенка сильно сдала и почти не вставала с постели, а передвигалась по квартире лишь на инвалидной коляске.

– Больной нужен покой и постоянный уход, – сказал доктор, которого вызывал к матери Антон.

Мухаб согласился нанять для Домны сиделку, но выбрал молодую симпатичную девушку, чтобы совместить ухаживание за больной женщиной со своими мужскими прихотями.

Шестнадцатилетний Антон не удивлялся, когда сиделка Катя, потягиваясь, выходила с половины отца. Он и сам был бы не против погладить ее красивую грудь. А отец, однажды перехватив его заинтересованный взгляд, отправил девушку к сыну с конкретными пожеланиями.

– Ну, как тебе Катка? – вопрос отца прозвучал за утренним кофе.

Увидев, как сконфузился сын, он добавил:

– Никогда не позволяй женщине себя подавить, быть главной, быть над тобой. В твоих жилах течет таджикская кровь, кровь сильных мужчин, мы привыкли повелевать женщинами.

После Кати появилась Лана с теми же обязанностями.

Антон часто бывал у постели матери, приносил ей газеты, смотрел вместе с ней телевизор, жалел ее и сочувствовал, беседовал с ней. Его воспитанием и обучением занималась няня – учительница на пенсии, нанятая отцом, но с мамой он виделся каждый день, был к ней привязан.

– Ты растешь добрым мальчиком, не позволяй сердцу черстветь. Отец у тебя жестокий человек, а был тоже когда-то милым и покладистым.

– Он деньги зарабатывает, мама, семью содержит, – Антон защищал отца.

– Деньги на людском горе делать нельзя. Игроманы, они как наркоманы, больные люди.

– Мам, ты о себе беспокойся, о своем здоровье. Те, кто приходит деньги свои просаживать, пусть думают о себе сами.

– Не скажи, сынок, у них семьи есть, матери, у которых душа разрывается от горя.

– Мам, ты не знаешь, как отца уважают, как считаются с ним! – спорил Антон.

– Ой, сынок, сынок. Я хоть из дома не выхожу, но все вижу и подмечаю, – она вздохнула. – Ты школу скоро оканчиваешь, куда дальше учиться хочешь пойти?

– Не хочу дальше учиться, я отцу буду помогать.

– Надо учиться, Антон. Становиться на ноги. Я поговорю с отцом.

Вечером Домна позвала Мухаб.

– Нашему сыну нужно образование, сейчас без этого никуда.

– Может, ты и права, – согласился Мухаб. – Помощник с образованием, конечно, лучше.

Так участь Антона была решена, и после школы он оказался в институте на специальности экономика. Родители, пожелавшие ему лучшей доли, не учли одного – учеба давалась мальчику с большим трудом и совершенно его не интересовала.

В первый же семестр он не смог сдать зачет не только по высшей математике, но даже по культурологии. После того как количество «хвостов» переросло в немыслимое для деканата число, Антон начал разговор с отцом.

– Отец, я хочу бросить институт. Много сложных предметов, я их сдать не могу.

– Значит, в меня ты пошел, – спокойно сказал Исмаилов-старший. – Мне тоже учеба не давалась.

Антон про себя вздохнул облегченно, он не предполагал, что разговор получится таким простым и быстрым, а отец – понимающим.

– С матерью своей разговаривай сам.

Домна заплакала, когда услышала, что Антон бросает институт.

– Сынок! У меня была одна надежда, что ты выучишься и станешь человеком.

– Вы, женщины, все преувеличиваете, – отмахнулся Антон.

– А как же армия? Тебя могут в армию забрать!

– Отец сказал, что решит этот вопрос, выкупит меня у военкомата.

– Главное, чтобы он не выкупил твою душу, – продолжала плакать Домна.

– Не плачь, мама, я буду работать с отцом, и у меня будет много денег.

Домна понимала, что это за деньги и как они достаются Исмаилову, Мухаб не стеснялся обсуждать дела и дома, и она часто слышала его разговоры с подельниками. У нее ведь только ноги больные, а слышит она хорошо, да и видит тоже, поэтому и знает то, что ей не надо знать совсем. И у нее так болит сердце за сына.

Глава 8

Заказчик недоволен

Герман Николаевич хохотал от души.

– Никогда бы не подумал, что человек с фамилией Рабинович может быть экспертом в культурологии.

– Да почему? – удивлялась Евгения. – И вообще, что вы привязались к Рабиновичу?!

– Я? Привязался? – От смеха у него выступили слезы.

– Хорошо, пусть Рабинович, это смешно, правда, почему, не понимаю. А Лотман – вам не смешно? Он тоже по национальности как Рабинович, и у него целый ряд исследований по декабристам, Пушкину, Лермонтову.

– Вот не попал бы с вами в плен, госпожа Шумская, не обогатился бы знаниями о Лотмане и Рабиновиче. Тихо!

Евгения замерла. Ключ в замке гаража поворачивался едва слышно, тоненький лучик света, как лезвие бритвы, прорезал тьму, и в помещение вошли трое. Антон был среди них, и выражение лица у него было тоскливое. Евгения, еще сомневавшаяся в том, тот ли это студент, что не сдал ей культурологию, уверилась окончательно – он.

Она хотела было спросить: «Антон, что ты тут делаешь? Что все это значит?», но вовремя зажала себе рот рукой.

Двое других мужчин были явно старше Антона, но держались отстраненно, словно пришли выполнять рутинную работу.

– Ну, что, граждане, расскажете? Как ваша температура? Как ночной сон? Что беспокоит? – Архипов говорил так спокойно, будто действительно вел прием больных.

– Вы с ума сошли? – зашептала Евгения. – Зачем вы их злите?

– А может, им и правда медицинская помощь нужна? – так же тихо ответил Герман.

Антон и двое мужчин молча прошли по гаражу, словно высматривая, не проходит ли там пограничная полоса. Бывший студент старался не смотреть в сторону пленников и разговаривал только с мужчинами.

– Ну что, пакуем? Отец сказал доставить в целости и сохранности.

– А у нас есть варианты?

– Машину подгоняйте.

Архипов и Шумская поняли, что их сейчас куда-то повезут.

– Может, попробовать кричать? – шепнула Евгения и посмотрела на Архипова, он приложил палец к губам.

– Не надо. Сделаете только хуже.

Мужчина, что был ростом повыше, подошел к пленникам, заклеил им липкой лентой рот, завязал глаза, а потом только отцепил наручники от батареи.

Евгению вывели из гаража, посадили в машину, машина мягко тронулась.

«Ну, попала! Попала! Что же делать? – лихорадочно размышляла Шумская. – Интересно, полиция нас уже ищет? Родные должны подать заявление в полицию, в розыск. Да и на работе потеряли. И Архипова тоже должны хватиться. Зачем мы преступникам? Зачем им я? А вдруг потребуют выкуп?»

Денег у Шумской не было, они жили скромно. Единственный, кто в семье не экономил, – это сын.

Неожиданно Евгении вспомнилась статья о наскальных рисунках, обнаруженных на плато Тассили в Сахаре, где были изображены таинственные человекоподобные существа и большой сферический объект. Все находки указывали на то, что существа из другой реально-

сти брали людей в плен, и больше пропавших никогда не видели. Тогда она приняла статью за очередную фантастическую гипотезу, которыми наполнен творческий мир. Все происходящее сейчас тоже казалось глупым и чудовищным вымыслом, хотелось верить, что машина через пару минут остановится, их с Архиповым освободят, и люди вокруг будут аплодировать, смеяться и кричать, как это бывает по телевизору.

– Розыгрыш. Программа «Розыгрыш»!

Но ничего этого не произошло, машина ехала долго, и в салоне все молчали. Евгения слышала только шум двигателя, похожий на рокот.

– Все, приехали, – наконец сказал один из мужчин.

Кто-то схватил ее за плечо и куда-то потащил. Снова появился запах медикаментов, и она поплыла, поплыла в розовый туман, чувствуя, как наконец освободили рот и глаза. Последнее, что Евгения помнила, – это вопрос, который ей хотелось задать то ли себе, то ли похитителям. «Где доктор Архипов?» Но сформулировать вопрос вслух не было сил.

Конечно, ни Шумская, ни Архипов не видели, что происходило в одной из комнат загородного дома, куда их привезли.

В высоком кожаном кресле сидел мужчина. Он был очень сердит и кричал так громко, что слюна, вылетающая из его рта, разбрызгивалась вокруг.

– Вы идиоты? Нет, скажите, вы действительно идиоты? – градус его возмущения зашкаливал, и, казалось, даже кольцо с голубым камнем на мизинце вспыхивает нездоровым светом.

– Не кипятись, уважаемый джан. Мы все уладим. – Мухабу не нравилось настроение заказчика.

– Что ты уладишь? Как?

– Нет безвыходных ситуаций.

– Безвыходных? Да это полная задница! А из задницы только один выход – слиться с дерьмом. Ты теперь дерьмо, ты это понимаешь? Шуму будет на весь город.

– Главное, ты не шуми, дорогой.

– Я за что платил? За что ты получил аванс? Ты сделал работу? Нет. Возвращай деньги, я найду других исполнителей. – Мужчина плеснул себе в стакан виски, отпил и поморщился. – И виски у тебя дерьмо!

– Не надо обижать хозяина, джан, – Мухаб не сдавался.

– Это я тебя обижаю? Да тебя надо было сделать на голову короче, а не выяснять отношения! Я о чем тебя просил? За что деньги платил? – Он еще долил в стакан виски, добавил в него льда, выпил и развязал на рубашке галстук. – Жарко.

– Жарко – это хорошо. Здесь, в Сибири, всегда холодно, я мерзну, хоть летом отогреваюсь, – проговорил Мухаб. – Ты не беспокойся, мы свою ошибку исправим.

– Ошибку? Ты это называешь ошибкой? Я тебя просил доктора не поугагать хорошенько, а убить. Убить и не церемониться. А с трупом пусть бы следствие повозилось. А что сделали вы? Притащили его в гараж, да еще и бабу какую-то в придачу. Зачем бабу приволокли, идиоты? Бабу тоже надо кончать, она слишком много видела. Я за бабу платить не собираюсь.

– Неувязка вышла. Следили за доктором месяц, как ты велел. Все его маршруты изучили и вчера решили действовать.

– Решили они! Это я вам сказал, что он с утра в университет идет, а там, на стоянке, в это время никого не бывает. Надо было вколоть ему лекарство, вывезти в лес и там пристрелить. Нашли бы останки через год, да и вряд ли опознали. А теперь и доктор живой, и баба какая-то при нем.

– Она вышла его проводить, понимаешь, никто этого не ожидал. Лекарство ему вкололи и собирались в машине в лес, все как договаривались. А баба закричала, когда увидела, что он на земле сидит, на помощь стала звать. Зачем нам лишние глаза? Вот ее и пришлось тоже сначала уколоть, а потом вместе с доктором повезти в гараж.

– Зачем? Зачем вы ее потащили?

– Что обсуждать то, что произошло? Как говорят у меня на родине – «первый камень криво в землю врос, вся стена пошла наперекос».

– Что делать будем? Ты эту кашу заварил, ты накосячил, ты и расхлебывай! – Мужчина хотел было еще налить виски, но передумал и отодвинул стакан. Стакан качнулся и упал со столика, разлетевшись на мелкие осколки. – Ну, Мухаб, у тебя даже стаканы с перекосом.

– На стакан внимания не обращай. Стаканов у меня много. А работу надо до конца доводить. Ночью сегодня доктора вывезем в лес и все сделаем.

– А бабу?

– И бабу живой оставлять не будем. Нельзя. Но и лишнюю смерть на себя тоже брать не хочется. Аллах не простит.

– Да брось мне рассказывать про Аллаха! У тебя грехов столько, что его карандаш устал записывать. В общем, чтобы все свои проблемы решили сами и завтра мне сообщили, что все закончено. Мне по телефону не звонить, я найду тебя сам. И провожать меня не надо. – Мужчина встал, пнул осколки разбитого стакана.

Исмаилов проводил взглядом уходящего мужчину. Неверные, они и есть неверные, их не изменить. Но если Аллах и Мухаммед, пророк его, распорядились, что на одной земле живут и неверные, нужно с этим примириться.

– Антон! Ахком! – он называл сына и по-русски и по-таджикски.

Мухаб считался с традициями той страны, где живет, но и своими принципами поступаться не собирался. Он привык организовывать устранение людей руками тех, кто был клиентами его игровых автоматов. Должники хотели отдать долг, но только запутывались еще больше. Вынуждены были делать все, что Мухаб попросит. А свои грехи он всегда отмаливал, иначе среди неверных не выжить.

Но вот этот единственный заказ в силу его важности он поручил братьям Ионовым и сыну, которому пора становиться настоящим мужчиной. Это была его проверка, и мальчик оказался слаб.

– Сынок! Я не буду тебя ругать, если ты расскажешь мне правду. Что-то произошло, я хочу знать что? Почему ты не выполнил то, что я тебе сказал? Заказчик остался недоволен, но это полдела. Он требует назад аванс, а это посерьезней.

– Отец, я не знаю, как сказать тебе правду.

– Набраться мужества и сказать. Где Борис и Радик? Почему они не помогли тебе? Что случилось? Не заставляй меня гневаться.

– Они сейчас на кухне.

– Я не про сейчас, я про вчера, когда вы с доктором вместе взяли какую-то женщину. Я не приложу ума, что с ней теперь делать.

– Я ее знаю, отец.

– Кого?

– Эту женщину, которую пришлось забрать вместе с доктором.

– Знаешь? Это только ухудшает дело.

– Понимаешь, отец, мы выполняли твое поручение хорошо. Мы знали, куда и когда направляется доктор, и когда пришло время «ч», все сначала, казалось, шло нормально. Но преподаватель пошла его провожать. Она могла узнать меня. Она учила меня, и зачет я ей сдавал, но не сдал. Я даже помню, как ее зовут – Евгения Олеговна, умная тетка. Что мне было делать? Убегать с телом доктора? Но женщина начала кричать.

– Ты решил, что она нам пригодится? Зачем?

– А нужно было ее оставить там как свидетельницу?

– А где были твои и мои доблестные помощники братья Ионовы? Почему они не помогли? Почему ты начал рискованное дело без прикрытия?

– Отец, я не хотел тебе говорить.

– Они были пьяны до такой степени, что не могли двигаться?

– Ну не до такой, просто перебрали накануне. Радику вдруг стало плохо, его тошнило, Борис бросился выручать брата, а доктор в это время вышел с преподавательницей во двор. У меня не было выбора, отец.

– Хорошо, что ты мне все рассказал. Я буду думать. Убери спиртное на кухне подальше от этих идиотов.

– А это что? – Антон показал на осколки разбитого стакана.

– А это заказчик нервничал и имел полное право. Мы сами хороши, подставились. Иди к себе. Я буду думать. Наши предки говорили так: «Нет такой хитрости, которую бы нельзя было перехитрить».

Глава 9

Версия Вадика Тымчишина

Полуденное солнце палило так невыносимо, что казалось, выгорают все яркие краски лета: зелень травы менялась на золотистую охру, присыпанную грязно-белым тополиным пухом. Дыхание жары томило, от этого стучало в висках.

– Вадик, это машина Архипова. Это его машина! – повторяла Юля.

– Юль, ну что ты волну гонишь?! – успокаивал ее Вадик. – Может, они вышли с занятия, обалдели от жары и решили поехать искупаться на наше озеро. Я бы сейчас не отказался прыгнуть в воду прямо в одежде и в туфлях. Может, рванем, охладимся, чем стоять перед чужой машиной и истерить?

– Вадик, ты можешь идти, купаться, загорать, а я останусь здесь. У меня нет никакой истерики, я спокойна. Я теперь точно знаю, что на мой личный номер звонили не зря. С Германом что-то случилось.

– Ну уж нет, подруга, я тебя не могу здесь оставить. Ты без меня обязательно во что-нибудь вляпаешься.

– Я все-таки еще раз позвоню и Архипову, и Шумской.

– Зря ты паникуешь! На пляже они, мороженое едят, а ты тут машину его зазря стережешь. А телефоны сели от жары, такое бывает.

– Сразу оба телефона? Ты сам себя слышишь?

Юля вытащила из сумки телефон и еще раз набрала номер Архипова. Может, и правда от неимоверной жары разыгралась фантазия, и Вадик прав: люди после лекции решили охладиться молочным коктейлем? А она просто паникерша. Сейчас ей ответят, и она попадет в дурацкую ситуацию. Но телефон Архипова по-прежнему был вне зоны, и номер Шумской так же не отвечал.

– Нет, оба недоступны.

– Слушай, Сорнева, ты только не ори, а послушай мою версию. Вот ты веришь в любовь?

– Тымчишин! Ну а любовь тут при чем?

– Нет, ты сначала ответь! Ты веришь в любовь с первого взгляда? Когда хоп – и все, крышу снесло, и ты без нее даже дышать не можешь. У тебя так было?

– Я верю в любовь и с первого взгляда, и с десятого.

Она не собиралась перед Вадиком «вытряхивать душу», несмотря на то что они друзья. У Юли уже сносило крышу, когда после длительной переписки молодой человек по имени Кевин приехал к ней из Америки, они были счастливы. Нет, наверное, все-таки не они, а она, потому что, когда пришлось выбирать: Америка или Юля, Кевин выбрал свою родину, а она осталась здесь одна². Юля понимала, что любовь, как орден, нельзя заработать упорным трудом, и заставить полюбить тоже невозможно, как ни старайся. Человек просто принимает твою любовь, заботу, помощь, благодарит, заботится сам, но любить не начинает. Любовь случается сама, либо ее нет, либо есть, и ничего тут не поделаешь. Как говорил барон Мюнхгаузен: «Мой лучший друг меня предал, моя любимая отреклась. Я улетаю налегке».

Так и Юлька сейчас, налегке, и надо с этим жить и что-то делать. И перестать морочить голову хорошему парню Юре Тарасову, который ходит за ней по пятам и на что-то надеется. Она выдохнула:

– Вадик, я верю в любовь.

² Подробнее об этом в романе Людмилы Феррис «Слишком большой соблазн».

– Ну вот, Сорнева, значит, не все потеряно. Значит, ты согласишься в мою версию? Они просто влюбились друг в друга.

– Кто?

– Ну как кто – Архипов и твоя Шумская.

– Ты совсем от жары свихнулся?

– Нет, она только что сказала, что верит в любовь, и такой облом! – возмутился Вадик. – Они ведь раньше не встречались? Ты сама говорила, что именно ты договаривалась с Архиповым.

– Ну и что? Я всего лишь у него спросила, как Герман отнесется к тому, чтобы встретиться со студентами.

– А он?

– Мне показалось, что он даже обрадовался, сказал, что устал от ремонта стационара, поэтому с удовольствием пообщается с молодежью.

– Повторяю вопрос: Шумскую он раньше не видел?

– Нет, они не были знакомы.

– Сорнева, продолжай следить за моей мыслью! Он влюбился в Шумскую, твой доктор, потерял голову, офонарел от любви. Она ведь красивая женщина, я ее знаю. Очень красивая, мужчины на таких внимание обращают.

– Красивая и умная, – согласилась Юля.

– Архипов пообщался со студентами и не мог так просто распрощаться с Шумской.

– Бредовая у тебя версия, Тымчишин!

– Не перебивай! Она пошла его провожать, и по дороге он осознал, что расстаться с ней невозможно, и предложил продолжить общение.

– Вадик, я тебе только что сказала, что Евгения Олеговна не только красивая, но и умная. У нее сидят в аудитории студенты, заседание кафедры, она бы вернулась и что-то объяснила в деканате. Она этого не сделала, значит, ушла с Архиповым спонтанно? В бреду? Глупо получается. Сбежала от студентов и от деканата? Зачем? Все это можно было сделать, не вызывая подозрений.

– Ты не услышала окончания моей версии.

– С тобой не соскучишься, Вадик.

– Шумская тоже влюбилась, страсть вспыхнула, как порох. Они оба не смогли с собой совладать и решили немедленно уединиться.

– И дальше Вадик, дальше. Куда они могли уйти?

– Ну, вот тут у меня слабое место. Они должны были сесть в его машину и уехать куда глаза глядят. Но машина Архипова брошена во дворе. А у Шумской есть машина?

– Не знаю.

– Узнай. Это нам поможет. Если у нее есть машина, это все объясняет. Они уехали на ее машине, а куда, уже не важно. Они решили, что им нельзя расставаться, по крайней мере сегодня. Ну что ты молчишь? Вполне разумное объяснение.

– Знаешь, Вадик, я о чем думаю, что ты зря «сидишь» на спортивной теме. В тебе погиб поэт. Тебе надо срочно переквалифицироваться и писать очерки, там твой талант выдумщика пригодится.

– Ну вот, обломила! А я старался, между прочим, и картинка была реальная.

Они стояли в институтском дворе, спасаясь под тенью старого тополя.

– Ты заметил около машины Архипова два свежих окурка? – вспомнила вдруг Юля.

– Ну, валяются там окурки, что с того?

– Архипов не курит. Его ждали около машины один или двое, не знаю, но ждали. Но он до машины не дошел почему-то, – она задумалась. – Давай все-таки еще раз в деканате поговорим, твоя мысль про машину Шумской мне показалась интересной, хочу уточнить.

– Ну, вот видишь, я кое на что сгодился, – гордо отметил Вадик.

– Сгодился, сгодился. Такой полет фантазии – Пушкин отдыхает.

В деканате было прохладно, секретарша в коротких шортах лениво перебирала бумаги. Вадик посмотрел на нее, не выдержал и усмехнулся:

– Слушай, а почему девчонки на работу в трусах ходят? Это так студентов нынче на учебу заманивают?

– Тымчишин, ну что из тебя сегодня прет?

– Да я просто представил, как Мила Сергеевна пришла бы в трусах на работу. Заурского бы сразу удар схватил.

– Отстань! Мы тут с тобой по делу! – Юлия обратилась к секретарше: – Скажите, а Евгения Олеговна не появлялась?

– Не-а.

– А вы не волнуетесь, что у вас преподаватель исчез?

– Вы о чем, девушка? Занятия закончились. Скорее всего, она ушла домой. Приходите завтра.

– Скажите, а у Шумской есть машина, ну своя личная машина?

Секретарша пожала плечами.

– Не знаю. Откуда мне знать?

«Правда, откуда?! У таких, как ты, все знания только в трусах!» – сердито подумала Юлия, но говорить ничего не стала, зато Вадик, прощаясь, не вытерпел:

– Девушка, милая, а вам никто не говорил, что ходить на работу в трусах нельзя?

Девушка фыркнула и презрительно посмотрела в его сторону.

– Слушай, Сорнева, а мне хочется о ней написать, о девочке-секретарше, которая ходит на работу почти в нижнем белье. Неудивительно, что она ничего ни про кого не знает.

– Вадик, не время, давай потом, а сейчас поехали в больницу. Может, Архипов на работе? В машине Вадима было душно, сиденья нагрелись. Юлия села и поморщилась.

– Терпи, Сорнева, терпи, – усмехнулся Вадик. – Представь, что это тайский массаж горячими камнями.

До здания больницы они доехали быстро. В приемной у главврача толпился народ, секретарша Галина Ивановна объяснялась с посетителями спокойно.

– Герман Николаевич на сегодня отменил все совещания и уехал в область по срочному делу. Поэтому все, кто не попал сегодня, завтра звонят в приемную и решают все свои вопросы.

Женщина была настоящим секретарем, профессионалом своего дела, что можно было понять и по внешнему виду: всегда одета с иголочки, в туфлях на высоком каблуке. Сдержанная, собранная, элегантная.

– Здесь другие стандарты и трусами нас не встретят, – многозначительно заметил Тымчишин.

– Ну что ты городишь! Галина Ивановна – ангел-хранитель, человек образованный и интеллигентный.

Посетители из приемной постепенно расходились, и Галина Ивановна увидела Юлю.

– Юлечка, добрый день! Сегодня Германа Николаевича не будет. Вы тоже с ним на встречу договаривались? У меня что-то никаких пометок нет. Как здоровье вашего папы?

В приемной главврача было принято спрашивать о здоровье, потому что вопросы здоровья здесь имели особое значение.

– Спасибо, Галина Ивановна. С папой все хорошо. Я, собственно, к вам, хотела поговорить.

– А молодой человек с вами? Он тоже из газеты?

– Со мной, это Вадим Тымчишин, наш журналист.

– Знаю, хорошо пишете о спорте, – улыбнулась Галина Ивановна. – Медицине, между прочим, без спорта никак. И Герман Николаевич к спортивным мероприятиям строго подходит, всех заставляет участвовать.

– Вадим, подожди меня в машине, – попросила Юля. – Я скоро.

Тымчишин ушел, Галина Ивановна закрыла дверь и вздохнула с облегчением.

– Устала сегодня очень. Много народу было.

– Галина Ивановна, мне срочно нужно знать, где Архипов. У меня к нему важное дело. Вы сказали, что он уехал в область. Но у него телефон недоступен. Дело в том, что он сегодня утром встречался со студентами по моей договоренности. И вот мне нужно кое-что после этой встречи уточнить.

– Да, у него сегодня утром была запланирована встреча со студентами, – Галина Ивановна помедлила. – Я знаю о ваших добрых отношениях с Германом Николаевичем и поэтому буду откровенна. Он мне сегодня вообще не звонил. Его телефон недоступен, и я вынуждена была отменить все назначенные им совещания. Легенду про область я придумала сама, надо как-то оправдать начальника. С ним такое впервые.

– То есть вы хотите сказать, что он не пришел на работу и вас ни о чем не предупредил?

– Именно так, Юлечка. И вы, пожалуйста, меня не выдавайте. Значит, возникли обстоятельства, о которых неизвестно. Он потом все объяснит.

Юля вышла из больницы растерянная.

– Ну, что там, подруга? – Тымчишин никогда не унывал.

– Плохи дела, Вадик. Нет Архипова.

– Тогда еще одна версия: покемоны. Их унесли покемоны!

– Очень смешно, Тымчишин, я сейчас от хохота тресну! – Юля чуть не плакала. – Ну что за дурацкие шутки?

– Юльч, не обижайся! Я просто хотел тебя развеселить.

Глава 10

Доктор Окуневский

Коля Окуневский еще в детстве решил, что должен зарабатывать много денег. Мама, медсестра городской больницы, воспитывала его одна. Сколько Коля себя помнил, мама все время брала дополнительную работу, делала уколы, ставила капельницы и даже устраивалась сиделкой.

– Ты должен стать хорошим врачом, Коля. Ты обязательно поступишь в медицинский институт, – говорила мама.

– А врачи много получают?

– Врачи – самая уважаемая профессия. Ведь болеют все, – мама была мудрой.

В принципе, Коля не возражал против профессии врача, учился он хорошо, и перспектива носить белый халат и быть почитаемым и состоятельным человеком его устраивала. К удивлению своему и окружающих, он легко поступил в медицинский институт. Окуневский знал, что он «везунчик» по жизни. Учеба давалась ему легко, и он пропускал «меж ушей» то, о чем постоянно твердили преподаватели: для того чтобы стать настоящим доктором, придется приложить максимум усилий. Ему легко давался даже латинский язык, там не требовалось умения говорить и оперировать речевыми оборотами. Всего лишь нужно было запоминать слова и знать окончания.

Он увлекся гистологией и анатомией, хотя поначалу удивлялся, что кость человека имеет множество округлостей, ямок, борозд и выступов.

– Как вы все это запомнили? – спрашивал он преподавателя.

– И вы запомните. Это теперь ваш хлеб. Без этих базовых знаний медику никак.

Медики учатся дольше, чем студенты других вузов, потом следует интернатура, постижение специальности еще несколько лет. И лишь получив навыки и знания, можно приступать к работе. А работа эта не простая: работа с людьми и с биологическими жидкостями, из которых люди и состоят, ночные дежурства, дежурства в выходные и праздники. А оплачивается это все мало.

Николаю хотелось все сразу: окончить институт и заниматься платными услугами, которые бы обеспечили его нормальное существование. Окуневский давно понял, что врач имеет дело с самым ценным – человеческой жизнью. А сам пациент плохо разбирается в устройстве собственного организма. Это незнание, а попросту говоря, невежество, открывает доктору большие возможности заработать. Николай опробовал это еще на практике, когда два месяца работал медбратом в онкоцентре.

Будущий доктор сразу понял, что у большинства больных шансов нет. Медсестра Маша, раскладывая таблетки для пациентов, все время сочувствовала и переживала.

– С раком поджелудочной худеет сильно, тает прямо на глазах, – вздыхала она об одном из пациентов.

– А сколько ему осталось? – Коля знал, что у каждого больного свой срок – максимум год.

– Месяца два, не больше. Он уже иконку на тумбочку поставил, думает, поможет.

Окуневский сделал для себя вывод, что пора предлагать больным то, что им позволит верить в выздоровление, – безопасные БАДы. Нет, он не был совсем бездушным человеком, но предпочитал прежде заботиться о себе, чем о посторонних. Тем более рак вылечивался трудно – облучением, химиотерапией, удалением и зачастую возвращался, чтобы завершить свое дело. Так пусть люди в последние месяцы жизни будут спокойными и принимают проблемы со здоровьем достойно.

БАДы, которыми Окуневский торговал в отделении, пошли среди больных хорошо, пока его чуть не за руку схватила медсестра Маша.

– Ты что творишь? Совсем совесть потерял?! Ты же будущий доктор, а не Остап Бендер!

– Машуня! – Николай мог уговаривать женщин. – Это не просто какие-то примитивные таблеточки, это новые медицинские технологии.

– А ты с доктором разговаривал, прежде чем эксперименты проводить? – она не на шутку рассердилась. – В общем, так, еще раз я тебя с этими БАДами в палатах увижу – скажу доктору, и вместо практики в институт письмо напишут.

«Толстая корова!» – зло подумал он, но вслух сказал:

– Ты знаешь, Маша, почему человечество имеет спутники, компьютеры, летает на Марс, но не сможет вылечить рак? Сколько болезней ни трави, она не излечивается.

– Почему?

– Да потому что это искусственно созданные нанопаразиты, занесенные другой цивилизацией. Это нам в институте говорили.

– Ты врешь! – у девушки округлились глаза.

– Врете здесь вы все, Маша. Врете, что болезнь можно вылечить, а человеку нужна правда. Правда или успокоение, а вы не можете дать ни того, ни другого. И мне этого делать не разрешаете.

– Я тебе все сказала, Окуневский. – Маша была неумолима, но он понял главное – никуда она сообщать не собирается. Ему оставалось два дня до окончания практики, о которой он будет вспоминать с удовольствием, потому что хорошо тут заработал.

Когда через два дня Коля покидал отделение, его взгляд упал на объявление, мимо которого он проходил не однажды, но заметил только сейчас. «В случае вымогательства звоните». И телефоны. Интересно, кто-нибудь хоть однажды позвонил? Или это только для отвода глаз?

Это глупое объявление он почему-то вспоминал часто. Но в своем травматологическом отделении заведующий Николай Петрович Окуневский такую информацию вывешивать не стал. Он людей смешить не будет. Деньги его любили, Окуневский иногда даже и не намекает, пациенты сами, добровольно выкладывали кругленькую сумму. Здоровье для человека дороже всего.

Врач четко помнил истину, которую усвоил с юности: чужой страх и чужое невежество позволяют людям его профессии не только контролировать ситуацию, но и зарабатывать деньги.

Единственное, что беспокоило Окуневского в последнее время, – пристальное внимание к его отделению главврача Германа Архипова. Нет, за руку Николая Петровича никто не поймал, но Архипов заводил на планерках разговоры о том, что врач не имеет права брать деньги с больного и в упор смотрел на Окуневского.

– Проверяет, что ли? Догадывается? Провоцирует? – гадал Николай.

А что делать с той истиной, что в России хорошо живет только тот, кто ворует или берет взятки? Или у Германа амнезия? Носится со своей больницей, с ремонтом стационара, как будто других дел у него в жизни нет! Грозится какой-то антикоррупционной комиссией и проверками. Жаль, если источник доходов, который в десять раз превышает официальную зарплату, исчезнет, и как хорошо, что он нашел другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.